

Так жили народы древности, переходя от дешевой простоты к дорогостоящей пышности, и, развиваясь, впадали «ничтожество».

Н. А. Тэффи. Из «Всеобщей истории», обработанной «Сатириконом»

В структурировании исторического времени существенную роль играют циклические и стадияльные концепции развития общества. Циклические и стадияльные схемы по сути являются способом деления исторического времени на однородные единицы или законченные этапы исторического развития. Этим определяются как популярность схем такого типа, так и их очевидные слабости.

Любая схематизация исторического процесса неизбежно несет в себе упрощения, подчас столь значительные, что их правомерность начинает вызывать сомнения. Но вместе с тем без подобных упрощений и схематичности комплексный анализ исторических изменений оказывается просто невозможен. Скептическое отношение или даже неприятие моделей и схем, типичное для многих историков, уже давно изжито представителями большинства других социальных дисциплин — прежде всего экономистами, но также и социологами, политологами, специалистами в области культурной антропологии и т. д. Модельный анализ отдельных аспектов жизни общества, увы, является необходимостью, с той лишь разницей, что его можно рассматривать или как неизбежное зло, или как возможное благо.

«Любая научная модель опирается на теорию подобия и представляет собой абстрагированное выражение сущности явления. Модель выступает как система, исследование которой дает информацию о другой (более сложной. — И. С., А 77.) системе... Сама познавательная деятельность историка выступает как моделирование, а результат его работы — как модель. Однако, как указывал В. В. Подгаецкий в своей работе „Эффект Журдена“ ... большинство истори-

ков не осмысливают свою деятельность через понятие „моделирование“, оставаясь „стихийными модельерами“» (*Тарнопольская 1995, с. 70–71*)¹.

При этом кажется вполне очевидным, что модели функционирования общества или отдельных его подсистем нельзя отождествлять с реальностью. Данный тезис выглядит абсолютно **тривиальным**, но тем не менее мы все же решились напомнить о нем в контексте обсуждения проблемы циклов и стадий. Дело в том, что несмотря на совершенную очевидность того факта, что стадийные и циклические схемы исторического движения являются не более чем **моделями** исторического процесса, среди историков не прекращаются дискуссии о *существовании* тех или иных стадий или циклов. Если спросить экономиста, *существует ли*, например, мультипликатор государственных расходов Самуэльсона или рациональные ожидания **Мута—Лукаса**, он скорее всего решит, что вы нездоровы. Но в историческом сообществе вопрос о том, *существуют ли* стадии экономического роста Ростоу или, например, циклы Кондратьева **воспринимается** совершенно серьезно и является объектом «научной» дискуссии.

Любая модель или схема, как известно, является лишь условным аналогом реальных процессов. Ее выбор определяется как вкусами и знаниями исследователя, так и задачами его работы. Бессмысленны утверждения о том, что какая-то модель является **«более правильной»**². Более того, даже говорить о том, что одна модель **лучше** или хуже другой, можно с очень большой долей условности. **Ведь** речь может идти лишь о том, насколько та или иная модель внутренне непротиворечива, какие из наблюдаемых явлений и процессов могут быть объяснены с ее помощью, насколько она удобна и операциональна и т. д.

¹ Показательно в этой связи, что автор цитируемой работы, будучи активной сторонницей моделирования исторических процессов, предлагает рассматривать построение моделей как **продолжение** традиций первобытной или средневековой магии и **колдовства**...

² Заметим, что даже принцип «фальсификации», предложенный К. Поппером, не может использоваться для выявления «неправильных» теорий. Как показано в современных исследованиях по методологии науки, во-первых, согласно тезису **Дьюэна—Куайна**, ни одну теоретическую гипотезу невозможно проверить изолированно от других гипотез (см.: *Cross 1982*); во-вторых, факты и наблюдения, используемые для эмпирической проверки, сами зависят от теорий, гипотез и концепций (см.: *Hindess 1977*).

С этими оговорками мы попытаемся **систематизировать** многообразные циклические и стадийные модели **исторического развития** и рассмотреть возможности использования этих **схем** в качестве инструмента анализа исторического времени.

§ 1. МЕХАНИЗМЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ЦИКЛОВ

— *Глупая, глупая природа, ни о чем она не заботится так рьяно, как о равновесии! Не знаю, нравственна ли эта забота, но она строго геометрична!*

Венедикт Ерофеев. Москва—Париж

Учитывая огромную численность работ, посвященных циклическости социальных процессов, **мы вынуждены ограничиться** кратким и схематичным их обзором. **Впрочем**, в данной работе **эмпирический** анализ циклических концепций не является **самоцелью**, и мы обращаемся к этим исследованиям в первую очередь для того, чтобы продемонстрировать варианты использования циклов для **диалектизации** исторического развития общества.

Отличие циклов как схемы членения истории и исторического времени от обычных периодов заключается, во-первых, в **наличии** однообразного механизма их смены, во-вторых, в примерно **одинаковой** продолжительности циклов (последовательно сменяющие друг друга обычные исторические периоды в отличие от циклов **могут** быть, вообще говоря, любыми по продолжительности). **Поэтому мы** остановимся прежде всего на двух вопросах: механизме **циклических** колебаний и их длительности.

Циклические концепции истории общества и отдельных его подсистем (экономики, социальной сферы, политики, **культуры и т. д.**) можно классифицировать по трем основным типам **механизмов** используемых для объяснения циклических (волновых) **колебаний** общественных процессов. **Эти** механизмы мы условно **обозначим** как «биологические» (которые делятся, в свою очередь, на «**смену поколений**» и «**циклы жизни**»), «космические» и «**механические**».

Естественно, существует значительное число как **смешанных** теорий, в которых одновременно используется два или три **упомянутых**

тых механизма, так и исследований, в которых механизм циклических колебаний вообще не специфицируется. Однако анализ «циклической» литературы позволяет предположить, что авторы последних также опираются на какой-то из перечисленных механизмов или некую их комбинацию.

В главе 3 мы рассмотрели основные философские схемы общественного развития, в том числе и циклические, здесь же мы обратимся непосредственно к циклическим концепциям реальной истории. Философские и мифологические схемы как правило связаны с реальной историей весьма условно, они ориентированы не на анализ и систематизацию конкретных исторических событий, а скорее являются попытками создания общей картины мироздания. Именно поэтому в этих схемах если и исследуются временные циклы, то необычайно большие, измеряемые тысячелетиями и описывающие развитие Вселенной, «мира», цивилизаций и т. д.

Циклы, которые условно можно назвать историографическими, во-первых, имеют гораздо меньшую продолжительность — от пяти до ста пятидесяти, максимум двухсот лет. Во-вторых, историографические циклические схемы как правило не претендуют на универсальный характер и строятся на историческом материале, относящемся к более или менее ограниченному временному периоду и географическим регионам.

1. Смена поколений

У истоков темпорального сознания лежали разные типы восприятия времени - обыденное (индивидуальное), семейное (родовое), сакральное (мифическое), к которым позднее присоединяется историческое темпоральное сознание. В главе 5 мы остановимся на этом вопросе более подробно, здесь же отметим, что семейное (родовое) время существует даже в самых примитивных культурах. У народов с **гентильной** организацией общества основной функцией семейного времени является социальная стратификация: положение всех членов рода (семьи, племени) самым существенным образом зависит от возраста. Соответствующие социальные группы — например, дети до достижения половой зрелости или не прошедшие инициацию, не состоящие в браке юноши и девушки, замужние (женатые, имеющие детей), старики и т. д. — обладают разными правами и обязанностями, т. е. разными социальными позициями (подробнее см., например: *Hareven* 1977).

Второй функцией семейного времени с древнейших времен была сегментация прошлого, инструментом которой выступал **счет поколений**. История семьи (рода) **периодизовалась** по смене **глав** Доде. Из семейного времени концепция поколений перешла в **историю**. Неудивительно, что поколения как единица времени **используемая** в самых ранних исторических описаниях, в частности, в **Ветхом Завете** и трудах древнегреческих авторов — Гесиода, Геродота и **других**³. Однако уже в самых первых исторических работах (греческих и римских историков), равно как и в Библии, понятие **поколения** и смены поколений является неоднозначным. Где кончается **одно поколение** и начинается другое даже на уровне одного рода (**династия**, семья)? Какой момент можно считать сменой поколений, **концом** времени одного поколения и началом времени **следующего**?

Иногда считается, что поколения (в частности, **библейские**) **соответствуют** продолжительности жизни (средней или данного **индивида**). Но на самом деле такая концепция практически НИКОГДА не использовалась ни в семейном времени, ни в **историографическом**. В древности поколения определялись двумя совершенно иными **способами**.

На уровне семейного времени поколение обычно измерялось и измеряется периодом от момента смерти старейшины семьи (**рода**) и до момента смерти его старшего наследника. Так, выражение «это было при моем дедушке» подразумевает, что прадедушка в это время уже не жил, иначе бы событие датировалось по прадедушке. **При** этом факт существования (т. е. уже произошедшего или еще не **произошедшего** рождения) отца говорящего в упоминаемый момент **прошлого** не существенен для датировки события в семейном времени.

Эта «семейная» трактовка поколения перешла и в исторические исследования — речь идет о периодах правления, которые издавна использовались в качестве единицы времени (**подробнее см.** выше, гл. 2, § 5). Период правления властителя часто отождествлялся с поколением — такую трактовку можно найти уже у **Геродота** (*Геродот. История II, 142; VI, 98*).

Помимо этого греческие и римские историки использовали **для** счета поколений (**γένεα**, aetas) и другой период жизни — **промежутки**

³ В частности, как отмечалось в предыдущих главах, **знаменитые «пять веков»** Гесиода (золотой, серебряный и т. д.) — это на самом деле **не что** иное, как пять «поколений» (**γένος**).

времени от рождения мужчины до того момента, когда у него родится собственный ребенок (мужского пола). Как говорил Гераклит, этим завершается цикл жизни человека. В Библии, по существу, **используется** такая же трактовка поколения — до рождения первого потомка мужского пола (см.: Быт. 4—5 и др.). Два известных исключения — Сиф и Исаак — действительно выделяются как исключения, обусловленные особыми обстоятельствами.

Хотя две указанные трактовки поколения выглядят как совершенно различные, можно заметить, что если предполагать среднюю продолжительность жизни и средний возраст рождения первого ребенка (мужского пола) неизменными, то средняя продолжительность «существования» поколения в обоих определениях совпадает. Поэтому вопрос заключается только в том, считать ли моментом смены поколения смерть старшего в роду или появление на свет нового «продолжателя рода». Заметим, что оценки среднего срока «жизни» поколения у большинства античных авторов колеблются от 25 до 35 лет (т. е. столетие состоит из 3—4 поколений), что свидетельствует, в частности, о достаточно позднем возрасте вступления в брак в древних обществах.

Оба определения поколений широко использовались в трудах античных авторов — Гесиода, Гераклита, Геродота, Зенона, Платона, Аристотеля, Полибия, а также Вергилия, Лукреция, Плутарха, Варрона, Цензорина и др., в иудаистической философии и истории, а также у мыслителей эпохи европейского Средневековья. Первую концепцию поколения мы встречаем в бесчисленных хрониках и летописях, фиксировавших в качестве исторических единиц времени периоды правления различных властителей (см. выше, гл. 2, § 5), во втором варианте они выступали в качестве базового элемента библейско-христианской хронологии, которую мы рассматривали в главе 2, § 3. В обоих случаях концепция поколения задавала не только единицу исторического времени, но и формировала первичные представления о цикличности исторического развития. Чередование поколений от смерти к смерти или от рождения к рождению символизировало бесконечную повторяемость и однотипность исторического развития.

Традиционным для христианской историографии было представление и о более длительных циклах, состоявших из некоего фиксированного числа поколений, которое также фигурирует в Новом

Завете: **«Итак** всех родов от Авраама до Давида **четырнадцать** родов; и от Давида до переселения в Вавилон **четырнадцать** родов; вот переселения в Вавилон до Христа **четырнадцать** родов» (Матф. 1:17). Начиная с позднего Средневековья и до эпохи Возрождения **создавались** бесчисленные вариации на эту тему, в которые **постепенно включались** события мирской истории.

Одним из наиболее известных примеров являются **сочинения** Иоахима Флорского (ок. 1132—1202) «Согласование Нового и Ветхого заветов» («*Concordia novi et veteris testamenti*») и «Пособие к Апокалипсису» («*Enchiridion in Apocalypsin*»). Доказывая, что **Новый Завет** является копией или повторением Ветхого Завета, Иоахим **делил** каждую из двух историй, Ветхую и Новую, на отрезки с **определенным** числом поколений. В частности, периоду в 12 поколений от Иакова до Давида в Ветхом Завете соответствовал, по **его мнению**, период в 12 поколений от рождения Иисуса до императора **Константина** (Joachim de Floris 1928, v. 2, p. 3ff).

Николай Кузанский (1401—1464) делил историю на периоды в 1700 лет = 34 поколения x 50 лет. Этот период, по его **мнению**, отделяет Адама от Потопа, потоп от Моисея, Моисея от Христа в Христа от конца света. Таким образом конец света должеа был наступить в начале XVIII в. (Nicolaus Cusanus. De novissimis diebus; **цит. по: Sorokin 1937—1941**, v. 4, p. 459).

До начала Нового времени поколения трактовались на уровне семейного времени, которое распространялось на все общество. В XVI в., когда возникает концепция социального поколения, **проблема** определения встает с новой остротой. К двум прежним типам исторических поколений добавляются социальные (духовные и **политические**).

У истоков новой концепции стоял, видимо, Н. Макиавелли (**Макиавелли 1996 [1531]; [1532]**). Начиная с XVI в. проблема социальных поколений все чаще занимает умы философов и **историков** и количество трудов, в которых она затрагивается, быстро **нарастает**. С этого времени и до начала XIX в. она привлекает внимание **таких** мыслителей, как Ж. Боден, Т. Кампанелла, Б. Паскаль, Д. Юм, Ж. Ж. Руссо, А. Фергюсон, А. де Сен-Симон, Ш. Фурье и **многих** других.

Однако начало серьезной научной разработки **концепции социальных** поколений обычно связывают с О. Контом, **выделявшим** ее в качестве самостоятельной темы в IV томе своего «Курса ПОДО

тивной философии», вышедшем в 1839 г. (*Comte* 1839, р. 635–641). В конце XIX — первой трети XX в. о роли смены социальных поколений в историческом процессе писали известные философы, социологи, экономисты и историки: О. Курно, Дж. Милль, Г. Спенсер, О. Лоренц, В. Дильтей, Л. фон Ранке, В. Паретр, Г. Адаме, К. Манхейм, Х. Ортега-и-Гассет, не говоря уже о множестве менее знаменитых авторов. Эта тема пользовалась также колоссальным успехом у искусствоведов, музыковедов и филологов.

После второй мировой войны проблема социальных поколений отчасти теряет былую популярность (по причинам, о которых мы скажем чуть ниже), но тем не менее все еще обсуждается социологами, политологами, искусствоведами и, наконец, историками. Мы отсылаем заинтересованных читателей к соответствующим работам⁴, а здесь ограничимся кратким анализом основных сложностей, возникающих при использовании данной концепции.

Понятие социального исторического поколения как феномена, имеющего отношение к социальной, политической и культурной истории, первоначально также имело преимущественно биолого-генеалогический характер и основывалось на том, что обычно между отцами и детьми существует характерная возрастная разница в 25–30 лет. Это наивное понятие социального поколения возникло из биолого-генеалогического с помощью дополнительной гипотезы, сводящейся к тому, что существует некая взаимосвязь между непрерывным процессом чередования отцов и детей и дискретным процессом изменений в исторической картине общества и культуры. Но при этом возникает естественный вопрос: где кончается одно социальное поколение и начинается другое? Сколько социальных поколений сменяется в обществе, скажем, на протяжении 100 лет — три, четыре, десять?

Длящаяся уже несколько столетий дискуссия о взаимосвязи смены поколений и исторического процесса идет, по существу, вокруг трех, во многом взаимосвязанных, вопросов: первичности или

⁴ Весьма полный обзор работ по проблеме социальных поколений от истоков этой концепции и до начала XX в. был дан в: *Mentré* 1920. Обширная библиография и краткий обзор работ конца XIX — первой трети XX в. приведены в: *Sorokin* 1937–1941, v. 4, р. 505–526, особ. р. 513–514 ff. Среди относительно недавних публикаций, содержащих, в частности, обзоры исследований, написанных в XX в., можно указать: *Spitzer* 1973, *Jaeger* 1977, *Kessler, Masson* 1985; *Attias-Donfut* 1988.

вторичности феномена «социальных поколений», степени его всеобщности и продолжительности «жизни» каждого поколения.

Первый вопрос заключается в следующем. Если феномен, смены поколений в истории может быть доказан, то идет ли здесь речь о первичных (т. е., в конечном счете, биологически обусловленных) явлениях с регулярной периодичностью или о вторичных (в основе которых лежат определенные внешние события и обстоятельства), возникающих через неопределенные промежутки времени?

В большинстве работ второй половины XIX в. смена поколений рассматривалась как первичный фактор, т. е. как движущая сила исторического процесса, причина происходящих в истории событий. В работах французов О. Конта и Ж. Дромеля, англичанина Дж. Милля, итальянца Г. Феррари, немца О. Лоренца и многих других авторов высказывалась мысль о том, что смена поколений является мотором исторического прогресса. Более того, утверждалось существование некоего биологически обусловленного ритма исторических изменений. В 20–30-е годы XX в. эту идею развивали испанец Х. Ортега-и-Гассет, француз Ф. Ментре, а также ряд немецких ученых (В. Пин дер, сын О. Лоренца А. Лоренц, Х. Мюллер, Ф. Дрерап)⁵. После второй мировой войны биологические теории исторического процесса утратили былую популярность — их поддерживают лишь отдельные последователи Х. Ортеги-и-Гассета (например, испанец Х. Мариас), А. Шлезингер-мл. и некоторые другие авторы.

Альтернативная точка зрения — о «вторичности» смены поколений, подразумевающая, что они являются не причиной, а следствием исторических событий, — была впервые четко сформулирована немецким философом В. Дильтеем в работах, опубликованных в 60–70-е годы XIX в. Занимаясь изучением романтизма в немецкой литературе, он обнаружил, что многие из видных представителей этого течения родились примерно в одни и те же годы. Исходя из этого Дильтей выдвинул гипотезу о том, что восприятие интенсивных впечатлений в юности способствует тому, что значительное число индивидуумов приблизительно одинакового возраста усваивает на всю оставшуюся жизнь запас относительно единых философских,

⁵ Х. Ортега-и-Гассет выразил эту идею с прямотой, граничащей в... шевистской: «Мы можем... представить каждое поколение, как своего рода биологический снаряд, выпущенный в пространство в точно установленное время, с определенной силой, направлением» (*Ортега-и-Гассет* 1991 [1923], с. 6).

социальных и культурных представлений. При этом такое «запечатление», полученное в юности в относительно короткие сроки, не вытесняется позже столь же сильными впечатлениями противоположного свойства.

В 20—30-е годы XX в. эту гипотезу развивали многие немецкие историки литературы — Е. Векслер, Й. Петерсен, Ф. Кюммер. Но особая заслуга в ее разработке принадлежит К. Манхейму, который впервые предпринял попытку систематического обобщения проблемы исторических поколений, используя методы развившейся в XX в. социологии и психологии (*Mannheim* 1952 [1928]). По его мнению, уже в ранней юности (на первой фазе развития) под действием среды в сознание проникает определенный запас **характерных** эмоций, а затем, на второй фазе, около 17-го года жизни, начинает добавляться рефлексивное преодоление проблем. Иными словами, в юности (в английском языке этот период называется «teen age», т. е. 13—19 лет) формируется определенная картина мира, основанная на совокупности переживаний, и именно через нее преломляется последующий жизненный опыт.

Наконец, после второй мировой войны в этом пункте дискуссии был достигнут своего рода консенсус. Подавляющее большинство исследователей склоняется к мысли о том, что поколение формируется событием, т. е. является производным исторических изменений. Вместе с тем, однажды сформировавшись, социальное поколение определяет черты конкретного периода истории, т. е. становится первичным фактором для исторического процесса.

Следующая дискуссионная проблема связана с оценкой степени общности феномена социальных поколений. Имеет ли это понятие универсальный, т. е. выражающий единство времени и социума, всеобщий характер, или, напротив, его можно применять лишь для обозначения частичной взаимосвязи, а именно возрастного сходства внутри ограниченных социальных групп? В чуть более упрощенном виде альтернативные взгляды на социальные поколения сводятся к выбору между элитами и массой.

Эта дискуссия возникла практически одновременно с появлением самой концепции социальных поколений, т. е. еще в XVI в. В этом смысле Н. Макиавелли был первым сторонником **«элитарной»** теории поколений (в частности, чередования политических элит), а Ж. Боден первым связал концепцию социальных поколений с на-

строениями масс в работе «Шесть книг о Республике» (**«Les six livres de la République»**, 1576; особ. кн. IV, гл. 3 о революциях).

Это противостояние двух альтернативных точек зрения на степень **«всеобщности»** феномена социальных поколений сохранилось до XX в. В первой трети нашего века одним из наиболее известных выразителей **«элитарной»** теории был В. Парето, «массового» — Х. Ортега-и-Гассет⁶.

Подход к данному вопросу тесно связан с предыдущим: большинство сторонников **«первичной»**, биологической концепции смены поколений поддерживало идею всеобщности влияния этого фактора на исторический процесс. В то же время сторонники **«вторичности»** процесса образования исторических поколений считают, что исторические события формируют поколения не в масштабах всего общества, а лишь в отдельных его группах, прежде всего в политических или культурных элитах. В XIX — первой трети XX в. идея «частичности» рассматриваемой связи была продиктована в основном самими объектами анализа. Дело в том, что проблема формирования поколений обсуждалась прежде всего в работах по истории искусства — выделялись поколения в музыке, живописи, литературе. Этот подход до сих пор сохраняется в работах по искусствоведению. Но в обществоведении начиная с 30-х годов нашего века обсуждение проблемы формирования поколений перешло в иную плоскость.

С одной стороны, существенную роль здесь опять-таки сыграли работы К. Манхейма, который показал, что даже общие впечатления юности не могут, конечно же, оказывать одинаковое влияние на все группы и слои общества, — напротив, надо исходить из того, что различные общественные интересы обуславливают различную реакцию индивидов на одинаковый импульс. Особенно важно в его анализе противопоставление поколения и класса в виде так называемого горизонтального и вертикального сегментирования исторически развивающегося общества.

С другой стороны, проблема соотношения роли элит и массы стала активно развиваться в социологии и политологии в контексте более широкой проблемы власти. Благодаря этому, как и в первом пункте дискуссии, в данном вопросе было достигнуто определенное согласие, позволяющее учитывать роль как элит, так и масс.

⁶ Pareto 1926 [1902]; см. также: Осинова 1993, с. 223-228; Ортега-и-Гассет 1991 [19236]; 1991 [1930].

Наконец, последний дискуссионный вопрос, имеющий существенное значение прежде всего для исторических исследований, связан с оценкой сроков «жизни» социальных поколений. Хотя этот вопрос выглядит как сугубо технический или формальный, ответ на него в значительной мере определяет различия в позициях авторов, отстаивающих идею исторических циклов смены поколений.

Как отмечалось выше, еще античные авторы, использовавшие одну из двух «семейных» концепций исторических поколений, оценивали среднюю «длительность» поколения в достаточно широких пределах — от 25 до 35 лет. В рамках концепции социальных поколений возникает третье определение «сроков жизни» поколения, а именно, период социальной активности. Он определяется в еще более широких пределах: в возрастном диапазоне от 20—30 до 50—60 лет, т. е. 20—40 лет «социальной жизни».

С конца XIX в. подход к определению длительности «жизни» поколения становится еще более гибким. Возникает идея о том, что при анализе процесса смены поколений следует учитывать не весь период социальной активности человека, а лишь вторую половину этого периода, поскольку первая половина социальной жизни каждого поколения уходит на борьбу с предыдущим, и лишь затем оно обретает доминирующие позиции в обществе (сдерживая всю вторую половину своей социальной жизни натиск следующего поколения). Такой точки зрения придерживались Г. Адаме, Х. Ортега-и-Гассет, А. Шлезингеры (старший и младший) и ряд других авторов. По их мнению, при длительности социальной активности поколения 25—30 лет, срок его «полноценной жизни» составляет всего 12—15 лет.

Как мы покажем в следующем параграфе, благодаря существованию столь широких трактовок сроков жизни социальных поколений с помощью этой концепции можно объяснять исторические циклы едва ли не любой продолжительности. Поэтому идея смены социальных поколений как механизма циклических колебаний происходящих в обществе процессов присутствует в огромном количестве работ. Но при наличии общей основы — чередования поколений — собственно циклические механизмы исторического развития формируются в нескольких разных вариантах.

В первом варианте продолжительность «жизни» одного социального поколения прямо ассоциируется с одним циклом: «Исторические перемены надо измерять интервалами в одно поколение, в течение

каждого из которых новая группа человеческих существ получает образование, прощается с детством и овладевает обществом» (Милль 1914 [1843], с. 257). В этом случае длительность цикла составляет, по оценкам авторов, от 25 до 35 лет (Милль 1914 [1843]; Millard 1918; Л. Lorenz 1928).

Более распространенным, однако, является цикл, состоящий из двух поколений и основанный на сугубо семейных или бытовых представлениях о вечном конфликте отцов и детей. И хотя форма проявления этого конфликта у разных авторов принимает самые различные формы (религиозность—атеизм, воинственность—миролюбие, консерватизм—либерализм, интравертность—экстравертность. склонность к анализу или синтезу, анархии или порядку, инноваторству или подражанию и т. д. и т. п. до бесконечности), содержание всех подобных циклов, состоящих из двух поколений, в общем **однотипно**⁷.

Цикл, состоящий из трех поколений, не получил широкого распространения. Лишь иногда период в три поколения используется в качестве единицы времени — дело в том, что если продолжительность «жизни» поколения принять равной 33-м годам, то три поколения образуют период примерно в сто лет. Такой способ счета исторического времени использовал, например, еще Геродот, ссылавшийся, в свою очередь, на традиции египтян: «... 300 поколений составляет 10 000 лет, считая по три поколения в столетие» (Геродот. История II, 142). Во второй половине XIX в. эту идею активно использовали Л. фон Ранке и О. Лоренц (Ранке 1898 [1854]; О. Lorenz 1886; 1891). Впрочем, и в их работах речь шла не столько о циклах, состоящих из трех поколений, сколько о механическом объединении трех поколений в одно столетие.

Наконец, многие историки оперируют циклами, состоящими из четырех поколений. По-видимому, одним из первых такой цикл предложил средневековый арабский мыслитель Абдуррахман ибн Хальдун (1332—1406), сочинения которого, впрочем, стали известны в Европе лишь в XIX в. Рассматривая историю различных государств и династий, Ибн Хальдун пришел к выводу, что их развитие

⁷ Они встречаются у Н. Макиавелли, Д. Юма, А. Сен-Симона, Ш. Фурье, Г. Ле Бона, Г. Спенсера, К. Бернара, Дж. Тарда, В. Парето, Х. Ортеги-и-Гассета, А. Тойнби, А. Шлезингера и у множества других философов, социологов и историков, не говоря уже об историках культуры (см., например: Sorokin 1937—1941, v. 4, p. 401—405).

описывается циклами, состоящими из четырех поколений — основателя, продолжателя (сына основателя), имитатора (внука) и разрушителя (правнука; см.: *Ибн Хальдун*. Введение). Правда, в этом случае речь шла еще о «**семейных**» поколениях, применительно же к социальным поколениям четырехфазный цикл стал использоваться лишь в конце XIX — первой трети XX в. (*Ferrari 1874; Mewes 1896; Ligeti 1931*).

К середине XX в. сформировалось понимание того, что систематическое деление исторического процесса на поколения-интервалы вряд ли приемлемо с научной точки зрения. Пожалуй, лишь яркие события в духовной истории и истории искусства обычно обуславливают появление новых возрастных когорт в качестве своих носителей. Мемуарная литература доказывает, насколько полно осознается самими участниками этой сферы общность их поколения. В политической истории, равно как в экономической и социальной, поколения-образцы определить гораздо труднее. Поэтому для обширной литературы о феномене поколений, опубликованной после второй мировой войны, характерно ограничение исторического анализа временным горизонтом недавнего прошлого (см., например: *Samuels 1977*).

В 50-е годы в исследованиях исторических поколений начинает доминировать молодежная тематика, и, в частности, проблема «разрывов» между поколениями. Особое внимание исследователей привлекает поколение послевоенной молодежи. Так, Х. Шельски характеризовал немецкую молодежь первого послевоенного десятилетия как «**тихое поколение**» осторожных, приспособившихся, занятых банальностями жизни индивидуумов (*Schelsky 1963*). Д. Рисмен с соавторами (*Reisman et al. 1967 [1950]*), проанализировав изменения в характере американской молодежи, предположили, что в индустриальных обществах XX в. происходит переход от внутренне- к **внешнеобусловленному** типу поведения личности.

В конце 60-х — начале 70-х годов большое число исследований было посвящено студенческим волнениям, охватившим в середине 60-х годов почти все развитые страны. Этот феномен рассматривался специалистами многих стран — социологами, психологами, историками — с самых разных точек зрения, в том числе и в рамках теории «конфликта» или «разрыва» поколений. Одна из наиболее интересных работ — монография Л. Фьюера (*Feuer 1969*).

В США, где разрывы между поколениями в целом проявлялись менее ярко, чем в Европе, с начала 60-х годов значительное число ис-

следователей занимается феноменом «возрастных когорт» (age cohorts). Большое внимание уделяется исследованиям возрастной структуры конкретных групп, союзов, школ, движений и т. д. Наиболее известны работы У. Эвана и А. Спитцера, в которых анализ истории с точки зрения поколений ограничивается феноменами краткосрочного характера, особенно переломными моментами (*Evan 1959; Spitzer 1973*).

Тем не менее, поколение как единица измерения исторического времени и основа исторических циклов все же продолжает использоваться, хотя проблема определения смены поколений так и осталась нерешенной. Условно современные взгляды можно суммировать следующим **образом**. Поколение образуется событием, пережитым в юности. Но, раз сформировавшись, поколение начинает активно влиять на общественное сознание, тем самым определяя некоторые события общественной жизни. По существу в качестве поколения в этом случае рассматриваются поколения элит — культурных и политических, носителей идей и идеологий. Поскольку установить момент смены поколений напрямую невозможно, периоды, соответствующие разным поколениям, устанавливаются ex post: некие изменения в общественном сознании и в общественной жизни сначала фиксируются, а затем связываются со сменой поколений (например, в такие-то годы, как считает данный исследователь, скажем, в литературе доминировал образ инфантильного героя, что связано с приходом в литературу нового поколения писателей, на мировоззрение которых наложило отпечаток такое-то событие).

Отсылки к социальным поколениям сохраняют свою популярность, но скорее в качестве литературного или публицистического образа, чем строгого научного понятия. Типичными примерами являются «потерянное поколение» Ремарка, «тихое поколение» Шельски или «шестидесятники» в России.

2. «Циклы жизни»

Еще одна весьма распространенная концепция, используемая во многих работах, посвященных циклическим процессам в обществе, также тесно связана с биологией. Речь идет о «циклах жизни» или «жизненных циклах» (life cycles), базирующихся на аналогиях с живыми организмами. Наблюдаемая в природе бесконечная повторяемость рождения, взросления и умирания биологических организмов не могла не натолкнуть на мысль о существовании аналогичных процессов в общественной жизни.

В принципе концепции циклов жизни имеют косвенное отношение к человеческим существам: в большинстве случаев авторы соответствующих схем исходят из предпосылки о том, что циклы жизни возникают в результате осознанной или подсознательной деятельности людей. Но в целом они, в отличие от схем, основанных на смене поколений, представляют собой не более чем аналогию с живыми организмами, причем аналогию весьма ограниченную и условную. Если в современной биологии более или менее четко выявлены и изучены механизмы, управляющие жизнедеятельностью организма (вплоть до клеточного метаболизма, структуры ДНК и генетических кодов наследственности), то в моделях циклов жизни, предлагаемых обществоведами, никаких механизмов, управляющих рождением, развитием и смертью изучаемого объекта, не разработано. Строго говоря, все построения в этой области остаются на уровне «биологических» представлений примитивных племен и скорее могут рассматриваться как художественный прием, чем как научная концепция.

Тем не менее аналогии общества или его компонентов с живыми организмами, возникшие как минимум в эпоху античности, продолжают пользоваться популярностью до сего времени. Наибольшее распространение теории циклов жизни получили в двух областях: в работах по философии истории и, как ни странно, в экономических исследованиях.

О философских работах, в которых развитие общества уподобляется живому организму, мы подробно говорили в главе 3, и здесь лишь кратко о них напомним. Эти исследования делятся на две группы: те, в которых рассматривается один вселенский цикл жизни, и те, в которых авторы апеллируют к некоторому набору обществ и пытаются выявить цикл жизни в каждом из них.

Идею о существовании одного вселенского цикла жизни, охватывающего всю историю человечества, можно обнаружить в античной философии, иудео-христианской традиции, зороастризме и исламе. Наиболее известными примерами служат схемы Аннея Флора («четыре возраста» истории Рима), Св. Августина («шесть возрастов мира»), Г. В. Ф. Гегеля («четыре возраста мира») и, наконец, К. Маркса («пять эпох» или «ступеней» в развитии общества, которые позднее были переделаны в «формации»; подробнее см.: Cairnes 1962).

Ко второй, более многочисленной группе относятся схемы множественных циклов жизни государств (Дж. Вико), культур (Г. Фор-

стер, Г. Рюккерт, Н. Данилевский, О. Шпенглер, А. Розенберг и др.), цивилизаций (А. Тойнби, К. Куигли и др.), этносов (Л. Гумилев), наций (М. Олсон), экономических систем (Ч. Киндлебергер) и т. д.⁸.

Все перечисленные схемы — как одного вселенского, так и множественных циклов жизни, — несмотря на некоторые любопытные наблюдения и аналогии, являются в высшей степени умозрительными и по существу не выходят за рамки философских рассуждений «о тшете всего **сущего**». Практически ни одна из этих схем не признается и не используется профессиональным сообществом историков, что позволяет нам не возвращаться более к их рассмотрению.

Другая часть концепций циклов жизни развивается в экономической науке и внешне имеет сугубо технический и прикладной характер. Несмотря на это, экономические теории циклов жизни, в отличие от философских, нашли применение в работах, посвященных циклическим процессам в историческом развитии (в первую очередь, естественно, в работах по экономической истории, но не только в них).

Пожалуй, первая такая схема была предложена К. Марксом в «Капитале» под названием «цикл оборотов основного **капитала**». Смысл его концепции состоит в том, что каждый тип оборудования имеет определенный срок службы (это отражено, в частности, в принятых ныне во всех странах устанавливаемых государством сроках амортизационных списаний). Предполагается, что оборудование приобретается и вводится в действие неравномерно, т. е. существуют периоды массовых закупок и обновления основного капитала (машин и сооружений). При заданном сроке службы закупленное поколение техники изнашивается и приходит в негодность через определенный промежуток времени, и опять возникает потребность в его массовом обновлении.

Фактически речь идет о «цикле жизни» оборудования — появлении («рождении») и последующем «умирании» (вследствие физического или морального износа) поколений техники, используемой в производстве. В этой концепции определенную сложность представляет проблема исходной неравномерности инвестиций или «первого **толчка**». Обычно предполагается, что эту роль играет не-

⁸ Соответствующая библиография была приведена в гл. 3. В дополнение укажем лишь не упоминавшиеся ранее работы: Olson 1982; Kindleberger 1964.

кий исходный или начальный экономический кризис, во время которого объем инвестиций резко сокращается, а в ходе последующего подъема объем капиталовложений становится больше среднего, генерируя тем самым дальнейшие колебания инвестиций.

Теоретическая слабость этой модели, как легко видеть, заключается в ее незамкнутости — для того чтобы она начала работать, нужен первый, **«внемодельный»**, кризис, не имеющий отношения к смене поколений техники, после которого все последующие циклы уже могут рассматриваться как генерируемые периодической массовой сменой производственного оборудования. Другая сложность связана со сроками службы отдельных элементов основного капитала: во-первых, они непостоянны, во-вторых, трудно выделить «центры тяготения» сроков службы — как правило, они распределены довольно равномерно по **времени**⁹.

Тем не менее, несмотря на существенные недостатки, эта модель получила широкое распространение в марксистской литературе и применялась для объяснения циклов самой разной продолжительности — от **3—4** до **50—60** и более лет (в зависимости от срока службы той или иной части основного капитала).

Другой подход был впервые предложен С. Кузнецом (*Kuznets* 1930), который попытался выделить «циклы жизни отраслей» (точнее, отраслевых технологий). Й. Шумпетер первым рассмотрел «цикл жизни **нововведений**», связанный с циклами инновационной активности предпринимателей (*Schumpeter* 1939). Начиная с 60-х годов стала использоваться концепция «цикла жизни продуктов» (*Nelson* 1962), которая затем была распространена на сферу международной торговли (*Vernon* 1966)¹⁰.

По существу все эти схемы составляют единую группу и описывают один и тот же процесс нововведений — продуктов или технологических процессов (различение нововведений-продуктов и нововведений-процессов укоренилось в экономической литературе в

⁹ Подробнее см., например: *Григорьев* 1988, где также приведена соответствующая библиография.

¹⁰ О циклах жизни отраслей см. также: *Burns* 1934; *Alderfer, Michle* 1942; о циклах жизни инноваций см.: *Mensch* 1979 [1975]; *Duijn* 1983 [1979]; *Freeman et al.* 1982; *Kleinknecht* 1987; о циклах жизни продуктов см.: *Levitt* 1965; *Rapp* 1975; *Ayres* 1987; о циклах жизни международной торговли см.: *Vernon* 1979; *Hirsch* 1975. Обзоры см. в: *Аухуционек* 1989; *Меньшиков, Клименко* 1989; *Раннева* 1989.

70—80-е годы благодаря работам Г. Менша и К. Фримена). Общая схема цикла жизни выглядит во всех этих случаях следующим образом.

«Рождение» нововведения ассоциируется с началом использования некоей фирмой (производителем) новой технической идеи. Эта идея может выражаться в производстве качественно нового продукта, применении новой технологии производства известного продукта, новом внешнем оформлении уже существующего товара и т. д. (в зависимости от степени **«новизны»**, нововведения обычно подразделяются на **«базисные»** и **«улучшающие»**). За «рождением» следует период «младенчества», когда **производитель** пытается обеспечить рыночный спрос на новый товар или услугу. Если этот товар или услуга **«выживают»**, т. е. находят спрос на рынке (а процент «младенческой смертности» нововведений необычайно высок), начинается период «детства» данного нововведения, когда его использует ограниченное число (один или несколько) производителей, получая при этом дополнительную прибыль (поскольку все нововведения или позволяют экономить на издержках или монопольно удовлетворяют новую потребность).

Далее наступает период **«зрелости»**, когда число производителей, использующих данное нововведение, начинает быстро расти (обычно исходные инноваторы стараются оттянуть начало **«совершеннолетия»** своего детища с помощью различных патентных ограничений). Одновременно быстро расширяется рыночный спрос на соответствующий товар или услугу, они начинают вытеснять с рынка свои предшествующие аналоги и идет активный процесс замещения части производившихся ранее товаров или услуг. После того как происходит относительное насыщение рынка, период экспансии нововведения заканчивается и наступает период **«старости»**, в течение которого спрос на данный товар или услугу остается относительно неизменным. Тем временем «рождается» следующее нововведение, которое впоследствии может полностью или частично вытеснить предыдущее и привести к его **«смерти»**.

В рамках этой общей схемы длительность цикла жизни конкретных товаров и услуг, равно как и его отдельных фаз, может быть самой различной — от нескольких месяцев до десятков лет, — что позволяет использовать «циклы жизни» нововведений для объяснения общеэкономических циклических процессов самой разной продолжительности.

Наконец, третья используемая в экономике концепция цикла жизни была предложена американским экономистом, лауреатом Нобелевской премии Ф. Модильяни и связана с изменением нормы сбережений. Суть этой концепции сводится к тому, что доход индивида и сберегаемая доля этого дохода зависят от возраста человека. В начале самостоятельной трудовой жизни доход сравнительно невелик, а доля сбережений крайне незначительна. По мере приближения к среднему возрасту доходы растут и в еще большей степени увеличивается доля сбережений, которые должны обеспечить старость. Наконец, при выходе на пенсию доходы **уменьшаются**, а доля сбережений сокращается почти до нуля (см.: *Modigliani 1949; Modigliani, Brumberg 1954; Ando, Modigliani 1963*).

Хотя эта схема разработана применительно к микроуровню, ее можно использовать и на макроуровне. Как явствует из теории Модильяни, доля сберегаемого дохода на национальном уровне зависит от возрастной структуры населения в целом — если возрастная пирамида сдвигается в сторону более молодых или более старых возрастных когорт, доля сбережений при прочих равных условиях должна понижаться. Изменением возрастной структуры населения, в частности, можно объяснить колебания нормы сбережений в США на протяжении послевоенного периода.

К сожалению, всем схемам циклического развития экономики, построенным на основе концепции циклов жизни — оборудования, технологий, нововведений, продуктов и т. д., — присущ тот же недостаток, что и моделям исторических циклов, опирающимся на концепцию смены социальных поколений. Сам факт существования циклов жизни на уровне отдельных видов оборудования, технологии и проч. не вызывает сомнений, так же как и факт смены поколений в рамках одной семьи. Проблемы возникают при попытке генерализации этих локальных явлений, выведении их на уровень народного хозяйства той или иной страны в целом. По существу, как и в концепциях социальных поколений, в неявном виде используется гипотеза о наличии неких внешних, экзогенных для рассматриваемой системы воздействий, синхронизирующих индивидуальные циклы жизни (как минимум, предполагается наличие некоей начальной синхронизации, после чего она может достигаться автоматически).

3. Космические факторы

Едва ли не древнейшие представления о циклических процессах земной жизни были связаны с космосом, точнее, с идеей о влиянии космических тел на человеческую жизнь. Естественно, что обнаружение цикличности или периодичности в движении Луны, планет, комет и т. д. рождало убежденность в цикличности оказываемого ими влияния, а тем самым и цикличности земных событий. Эти представления распространялись на жизнь не только отдельных людей, но и государств и народов.

Астрологические концепции цикличности земных событий существовали в Вавилоне, Ассирии и Египте, Китае и Индии, Древней Греции и Риме (обзор и библиографию астрологических концепций циклов общественной жизни см. в: *Sorokin 1937—1941, v. 4, p. 460—497*). После некоторого спада в период раннего Средневековья астрологические концепции снова расцвели в Европе в XII—XIV вв., благодаря знакомству европейцев с арабской культурой, в частности, астрономией и математикой. В этот период распространение астрологических теорий общественного развития означало подрыв теологических представлений о том, что единственным вершителем человеческих судеб является Бог. Оставаясь в значительной мере метафизическими, астрологические теории и циклы имели одновременно определенную материалистическую окраску. Другой предпосылкой их расцвета стала принесенная арабами теория чисел — отсюда возникло колоссальное увлечение магическими числами и периодами (см., например: *Thorndike 1929*).

Но несмотря на многовековую популярность астрологии, в приложении к истории она начала активно использоваться, пожалуй, лишь с начала Нового времени. С одной **стороны**, до этого астрология была в большей мере обращена в будущее, выступая в качестве основы различных пророчеств и предсказаний, и только мыслители XVI—XVII вв. едва ли не в массовом порядке стали пытаться прилагать астрологию к изучению **прошлого**¹¹. Как уже отмечалось в главе 3, астрологические концепции исторических циклов развивали Ж. Боден, Т. Браге, Ф. Бэкон, И. Кеплер, Г. Галилей и многие другие ученые. С другой стороны, период увлечения астрологией, в том числе и при-

¹¹ Это не означало, что пророчества перестали появляться, — например, в 1555 г. были опубликованы знаменитые «Центурии» француза Мишеля Нострадамуса.

менительно к истории, наступивший в XVI в., был связан с астрономическими открытиями того времени. Так, считалось, что одновременное появление на небе Сатурна и Юпитера (известное, впрочем, еще арабским астрономам), которое наблюдается каждые двадцать лет, вызывает смену правителей, восстания и т. д. (см.: *Церен* 1976 [1959], с. 318—329). В арабских рукописях и в работах Кеплера это явление называлось Великим соединением.

Еще больше возрастает увлечение астрологическими концепциями исторического развития во второй половине XVII — начале XVIII в., в первую очередь в Англии. Среди наиболее известных можно назвать книги Дж. Рассела и Дж. Холуэлла (*Russell* 1659; *Holwell* 1682), в которых определялась периодичность прошлых исторических событий и давались прогнозы на будущее. Особо следует упомянуть об астрологических работах Исаака **Ньютона**, который, как известно, был не только выдающимся физиком и астрономом, но и большим мистиком в области истории (см.: *Кузнецов* 1982, с. 104ff).

В XVIII — первой половине XIX в. астрологические концепции циклического развития истории постепенно теряют свою популярность, что объяснялось, впрочем, не столько утратой веры в астрологию, сколько доминированием линейных представлений об историческом развитии в концепции прогресса. Поиски циклов в историческом развитии и попытки связать их с астрологией вновь реанимируются в конце XIX — первой четверти XX в., начиная с *fin de siècle*, знаменовавшегося усилением общего настроения мистицизма и веры в потусторонние силы, магию, астральные теории и т. д. (см. выше, гл. 2, § 5). Центром астрологических концепций исторических циклов стали тогда Германия и Австрия; среди наиболее известных астролого-исторических произведений этого периода можно указать, в частности, работы Я. Фридриха, Э. Зассе, Р. Мевеса, Ф. Штромера-Райхенбаха (*Friedrich* 1864; *Sasse* 1879; *Mewes* 1896; *Stromer-Reichenbach* 1919).

Астрологи предлагали практически бесконечный набор космических циклов и связанных с ними магических чисел — от нескольких дней до столетий. Наиболее популярными с древнейших времен были, например, числа 7, 12, 365, связанные с календарными астрономическими периодами (см. выше, гл. 2, § 2), которые распространялись на годовое исчисление. Типичный образчик поисков магического в исторических циклах, производных от чисел 12 и 365, представляют собой рассуждения известного русского поэта начала XX в. Велимира Хлебникова: «... Я утверждаю, что года между нача-

лами государств кратны 413. Что 1383 года отделяют паденья государств, гибель **свобод**. Что 951 год разделяет великие **походы**, отраженные **неприятелем**... Я вообще нашел, что время z отделяет подобные события, причем $z = (365+48y)x$, где y может иметь положительные и отрицательные **значения**... На силах должны были отразиться сроки вращения, а мы — дети сил» (*Хлебников* 1986 [1912], с. 589, 591).

Со второй половины XIX в. все активнее начинают распространяться теории, связывающие историческое развитие с «космическими **волнами**». Речь идет о различных видах космического излучения, интенсивность которого, как полагают сторонники данного подхода, подвержена периодическим изменениям, оказывающим непосредственное влияние на развитие общества. Иногда в этот механизм встраивается дополнительное звено: предполагается, что космические волновые излучения влияют на климат (температуру, влажность, количество осадков), магнитное поле или другие характеристики земной атмосферы, а это, в свою очередь, воздействует на происходящие на Земле процессы (см., например: *Родс, Фейбридж* 1966 [1961]; *Гневышев, Оль* 1971). В первой трети XX в. поддержанию интереса к этим теориям премного способствовали русские «космисты» — В. Вернадский, В. Докучаев, Н. Морозов, К. Циолковский, Д. Святский, А. Чижевский и др.

Циклические схемы исторического развития, использующие в качестве объясняющего механизма космическое излучение, по существу строятся в соответствии с классическими правилами построения силлогизмов и состоят из двух посылок и заключения, в которых три ключевых термина связываются попарно. Большая посылка, содержащая предикат заключения, в данном случае гласит, что «космические излучения влияют на земную **природу**». Малая посылка, содержащая субъект заключения, сводится к утверждению: «интенсивность космических излучений подвержена циклическим колебаниям». Заключение гласит, что «развитие жизни на Земле имеет циклический **характер**».

Обе посылки практически не вызывают возражений. Анализ воздействия космических излучений на жизнедеятельность земных организмов относится к числу вполне уважаемых направлений биологических исследований, причем интерес к ним резко возрос в связи с полетами человека в **космос**¹². Столь же **уважаемым**

¹² Впрочем, подобные исследования активно проводились уже в начале нашего века — обширная библиография соответствующих работ при-

является изучение различных космических излучений переменной интенсивности, правда, уже в рамках другой науки — астрофизики. Но вот заключение вышеприведенного силлогизма, несмотря на его формальную логичность, неизменно вызывает скептицизм со стороны научного сообщества, особенно когда речь идет об историческом развитии.

Первая и наиболее обширная группа космологических концепций цикличности земных процессов «передаточным механизмом», обеспечивающим влияние космических факторов на развитие общества, считает жизнедеятельность растений. В исторических (особенно историко-экономических) работах, принадлежащих к этому направлению, обычно доказывается, что циклические колебания солнечной активности, климата, магнитного поля Земли и т. д. (см., например, рис. 4.1) влияют на урожайность в сельском хозяйстве, а из сельского хозяйства волновые изменения распространяются и в другие сферы экономики и человеческой деятельности в целом.

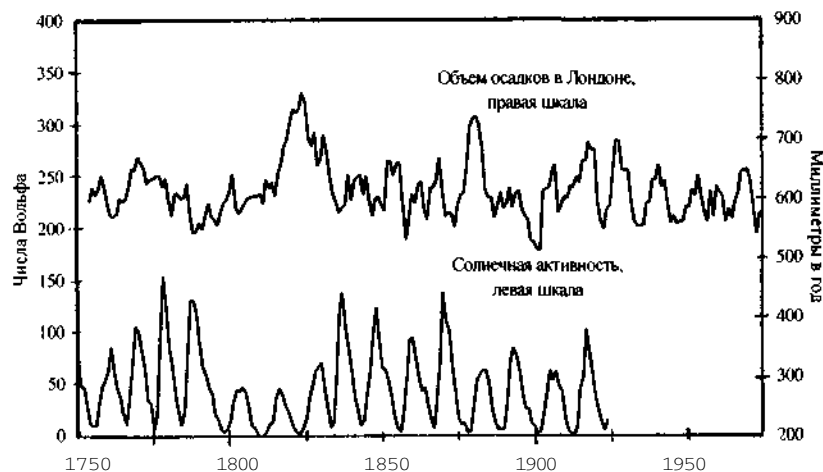

Рисунок 4.1. Астрофизические и метеорологические индикаторы

Так, еще в начале XIX в. известный английский астроном У. Гершель, который построил первую модель Галактики и открыл планеты

ведена в: *Чижевский* 1976 [1936]; более новые исследования представлены, например, в: *Гневыхев, Оль* 1971.

ту Уран, доказывал влияние солнечной активности на колебания цен на зерно. Но своего расцвета «излучательные» теории общественных процессов достигли в конце XIX — первой трети XX в. Толчок этим исследованиям дала работа У. Джевонса, который связал солнечную активность с экономическими циклами, причем не только в сельском хозяйстве, но и в промышленности (*Jevons* 1884). Идея о связи экономических циклов с изменениями солнечной активности была особенно широко распространена в конце XIX — первой трети XX в. После второй мировой войны это направление исследований в целом продолжает пользоваться вниманием профессионального сообщества, хотя и в гораздо меньших масштабах¹³. В основном подобные работы посвящены влиянию космических и климатических факторов на циклические колебания урожайности сельскохозяйственных культур в доиндустриальную эпоху — современные сторонники этой концепции явно предпочитают не вторгаться в более близкое прошлое.

Вторая группа исследований посвящена воздействию космических факторов на циклические процессы в жизнедеятельности самого человека. Колебания интенсивности космических излучений, и прежде всего циклы солнечной активности, связываются с периодичностью таких явлений биологической и социальной жизни, как эпидемии, психопатические массовые истерии, самоубийства, преступления и т. д. К классическим в этой области можно отнести работу А. Чижевского (*Чижевский* 1976 [1936]) с обширной библиографией публикаций, относящихся к первой трети нашего века.

Нужно отметить, что авторы этих исследований как правило проявляют известную осторожность в своих выводах, предпочитая избегать исторических генерализаций и ограничиваясь анализом чисто биологических, реже — психических аспектов проблемы. Лишь единицы перекидывают мостик от космических волн к социальной и политической истории человечества. В частности, А. Чижевский в 1918 г. представил на историко-филологический факультет Московского университета диссертацию на тему «Исследование периодичности всемирно-исторического процесса», в которой он попытался систематизировать историю человечества за 2500 лет. Материалы этой диссертации (которая, насколько нам известно, не была приня-

¹³ Библиографию работ первой половины нашего века см. в: *Sorokin* 1937—1941, v. 4, p. 502; среди наиболее известных послевоенных публикаций можно упомянуть: *Stetson* 1947, ch. 14; *Akerman* 1957, v. 2, p. 249; *Ashton* 1959, ch. 2; *Deane* 1967, p. 227—228; *Mathias* 1969, p. 228—231; *Cass, Shell* 1983; *Mirowski* 1984.

та к защите) вошли в подготовленную Чижевским в 1929—1933 гг. рукопись работы, опубликованной недавно под названием «Земля в объятиях Солнца» (Чижевский 1995 [1929—1933]). В ней Чижевский доказывал, что на годы минимальной солнечной активности приходилось всего 5% массовых социальных движений, а на годы максимальной — более 60% социальных катаклизмов.

В целом из всех когда-то необычайно популярных космологических концепций цикличности до настоящего времени сохранилась, пожалуй, только та часть «волнового» направления, которая связана с исследованием колебаний урожайности сельскохозяйственных культур, да и то почти исключительно в приложении к «доиндустриальной» эпохе. Все остальные концепции этого типа — как астрологические, так и «космическо-волновые» теории общественных процессов — перешли в разряд «паранормального знания». Профессиональное сообщество историков их игнорирует, что, впрочем, отнюдь не исключает их популярности среди дилетантов и просто чрезмерно впечатлительных людей (с позволения читателей мы не будем приводить соответствующую библиографию).

4. Механические модели

В отличие от концепций смены поколений и влияния астрологических факторов, анализ исторических циклов с механистических позиций относится к числу сравнительно недавних «изобретений»: он известен с середины XIX в. В «механических» концепциях общество или отдельные его подсистемы (экономика, социальная сфера, политическое устройство и т. д.) рассматриваются как подобие механической системы (простейший аналог — механические часы), в которой благодаря совокупности лаговых (запаздывающих) зависимостей (передаточных механизмов или шестеренок) и некоторой системы коэффициентов (нечто вроде коэффициентов трения) описывается механизм непрерывного движения или передачи движения. Идеология подобных моделей восходит к «социальной физике» О. Конта и других позитивистов XIX в.

По существу в основе всех механических концепций лежит предположение о наличии жестких причинно-следственных связей в общественной системе. Этот подход получил наибольшее распространение прежде всего в экономических исследованиях, но примеры его применения можно найти и в работах по социальной и политической проблематике. Характерно, что как правило **социально-полити-**

ческие модели механических взаимодействий в той или иной мере учитывают действие экономических факторов, благодаря которым система и обретает «жесткость». Созданием таких моделей отмечен конец XIX — начало XX в., период широкого распространения так называемого «экономического детерминизма»; следы его отчетливо ощущаются и сегодня. Что же касается «чистой» экономики, то механические системы до сих пор составляют подавляющую часть циклических схем экономического развития.

В качестве одного из самых известных примеров можно привести знаменитую модель «акселератора-мультипликатора», предложенную будущим лауреатом Нобелевской премии по экономике П. Самуэльсоном в 1939 г. (Samuelson 1939):

$$\begin{aligned} Y_t &= C_t + I_t + A_t; \\ C_t &= bY_{t-1}; \\ I_t &= a(Y_{t-1} - Y_{t-2}), \end{aligned}$$

где Y_t — общий конечный доход в год t (численно равный конечному продукту);

C_t — фазовые (зависящие от фазы цикла) потребительские расходы;

I_t — фазовые расходы на инвестиции;

A_t — автономные расходы, не зависящие от фазы цикла¹⁴.

В экономике подобных механических моделей создано поистине неисчислимо количество (среди наиболее известных можно упо-

¹⁴ «Если автономные расходы растут постоянным темпом, то одним из решений этой системы является траектория равномерного увеличения дохода (и одновременно потребления и инвестиций) теми же темпами. Эту траекторию обычно называют равновесной. Если под влиянием каких-либо факторов экономика сошла с равновесной траектории, то характер дальнейшего ее движения определяется <технологическими> коэффициентами b и a . Например, когда $a < 1$, происходит постепенное приближение к траектории равномерного роста, причем это движение может быть колебательным при определенном соотношении параметров b и a . При $a = 1$ амплитуда колебаний вокруг равновесной траектории будет оставаться постоянной. И наконец, если $a > 1$, то будет происходить либо удаление от равновесной траектории, либо колебание вокруг нее с увеличивающейся амплитудой» (Аукуционек 1984, с. 56—57; подробнее о свойствах модели «акселератора-мультипликатора» см.: Аллен 1963 [1956], гл. 12).

мянуть работы Дж. Хикса, Р. Гудвина, Дж. Дьюзенберри, Э. Хансена), но, несмотря на существенные концептуальные различия, их идеология достаточно однотипна (обзоры см., например, в: *Аукуционек* 1984; *Gordon* 1986; *Горохова, Григорьев* 1988).

С середины 1970-х годов на смену традиционным кейнсианским и неоклассическим схемам цикла приходит новое поколение экономических моделей циклических колебаний, основанное на теории рациональных ожиданий. У истоков этого направления стоял американский экономист Р. Лукас (*Lucas* 1981), получивший в 1995 г. за разработку этой теории Нобелевскую премию, а также Т. Сарджент, Н. Уоллес и целый ряд других теоретиков. В моделях рациональных ожиданий была предпринята попытка учесть процесс принятия решений субъектами экономической деятельности и их реакцию на изменение хозяйственной конъюнктуры, роль информации в экономической системе и т. д. (см.: *Энтов* 1988). Но, на наш взгляд, и в этих моделях сохраняется изрядная доля «механицизма»¹⁶.

Конечно, экономические модели циклических колебаний являют собой крайний пример, но подобные модели широко используются во всех социальных науках, с той лишь разницей, что социологи, политологи, историки и т. д. (т. е. практически все обществоведы-не-экономисты) описывают их не математически, а **вербально**.

В качестве примера можно привести типичную механическую модель циклического взаимодействия внешней и внутренней политики: война с внешним врагом — обнищание основной массы населения — социальное брожение — изменение соотношения политических сил — установление новой политической власти — постепенное ослабление власти внутри страны — ориентация на внеш-

¹⁶ Это можно проиллюстрировать на примере модели Р. Лукаса, рассуждения которого «строятся следующим образом. Роль „первоотолчка“ в полном соответствии с неоклассической традицией приписывается неожиданно увеличивающемуся предложению денег. Поскольку последнее отождествляется с расширением рыночного спроса, имеет место непредвиденное повышение цен (на готовую продукцию). Это побуждает предпринимателей принять решение о расширении объема производства... Через некоторое время... участники хозяйственного процесса, которые в соответствии с гипотезой рациональных ожиданий должны наилучшим образом использовать всю поступающую информацию, осознают невыгодность предшествующего расширения производства и принимают решения о переходе к сокращению выпуска и новых капиталовложений. Циклический бум уступает место кризису („редессия“)» (*Энтов* 1988, с. 24—25).

нюю экспансию как средство упрочения внутривнутриполитических позиций — война с внешним врагом и т. д.

Еще один пример — циклическое развитие науки в рамках концепции смены парадигм, предложенной Т. Куном: возникновение новой теории — превращение ее в научную школу — **институционализация** научной школы и обретение ее сторонниками ключевых организационных позиций в научном сообществе — «окостенение» научной школы в связи с отсутствием конкуренции — появление новой теории, подрывающей старую парадигму и т. д.

Если говорить о конкретных исторических исследованиях, авторы которых использовали «механические» модели циклического развития, то в качестве наиболее известного примера можно привести работы французских историков первой половины нашего века Ф. Симиана и Э. Лабрусса.

Ф. Симиан в работах, вышедших в разгар экономического кризиса начала 1930-х годов (*Simiand* 1932a, 1932b), на основе изучения динамики номинальной заработной платы в **1789—1928** гг. выделил чередование долговременных периодов подъема и спада экономики («фазы А и Б»). Главным признаком этих циклов и причиной их смены он считал движение цен, определяющее, по его мнению, уровень заработной платы и прибыли, который, в свою очередь, влияет на коллективную психологию и социальные отношения (заметим, что сам Симиан называл свою систему взглядов социальным монетаризмом).

Сходную интерпретацию взаимодействия экономических и социальных процессов использовал Э. Лабрусс, который доказывал, что экономические циклы (разной протяженности) своим ритмом определяют социально-историческое развитие (*Labrousse* 1933—1936; 1944). В некотором смысле модель Лабрусса имела еще более жесткий характер, поскольку он выводил причины Великой французской революции непосредственно из предшествующего экономического спада, а рост цен и доходов в начале XIX в. в свою очередь считал следствием социально-политических событий революционного периода.

Попытки построения механических моделей взаимодействия экономических и социально-политических факторов, объясняющих циклические процессы в историческом развитии, неоднократно предпринимались и в последние десятилетия, прежде всего западными марксистскими исследователями. Так, П. Суизи предложил схему волнообразного механизма смены способов накопления капитала,

которая проявляется в перестройке социально-политических структур (Sweezy 1967; 1970).

Дальнейшее развитие этот подход получил в работах Д. Гордона с соавторами (Gordon 1980; Gordon et al. 1982). По их мнению, экономический спад вызывает в обществе глубокий раскол и конфликт по поводу структурных реформ, необходимых для эффективного функционирования экономики. Разрешение кризисной ситуации осуществляется в значительной мере политическими средствами при активном участии всех политических сил и институтов. Таким образом, механизм циклических колебаний сводится к изменениям «социальной структуры **накопления**», под которой имеется в виду совокупность политических институтов и их взаимодействий.

Авторы предлагают следующую последовательность взаимодействий, генерирующую циклические изменения:

— возникновение благоприятной «социальной структуры накопления» создает условия для экономической экспансии;

— институциональный контекст, способствующий накоплению капитала, порождает бум инвестирования и активную экономическую деятельность;

— процесс накопления капитала исчерпывает свои возможности в рамках данной «социальной структуры **накопления**». Продолжение накопления капитала в прежних масштабах требует или воспроизводства условий, существовавших в начале бума, или перехода к новой системе организации производственного процесса и рынка рабочей силы. Но первоначальные условия невозможно воспроизвести, а требуемые реформы нелегко реализовать;

— процесс накопления капитала замедляется, и общество вступает в период стагнации. Попытки изменить институциональную структуру вызывают враждебность политических сил, контролирующих ситуацию;

— экономический спад ведет к дальнейшей дестабилизации «социальной структуры **накопления**»;

— восстановление возможностей быстрого накопления капитала зависит от создания новой институциональной структуры;

— внутреннее содержание этой новой «социальной структуры накопления» существенно, но не исключительно, определяется характером классовой борьбы в предшествующий период;

— возникновение благоприятной «социальной структуры накопления» создает условия для периода экономической экспансии и т. д. (Gordon et al, 1982, p. 32).

Подобные или сходные модели можно найти в работах многих других исследователей марксистского **толка**¹⁶. Например: экономический подъем увеличивает объем распределяемых благ, тем самым возрастают возможности для борьбы пролетариата за распределение производимого продукта, что ведет к росту социальной активности и массового забастовочного движения. Перераспределение продукта в пользу наемных работников снижает эффективность производства и уменьшает стимулы предпринимателей для его развития, в результате начинается спад в экономике. По мере углубления спада предприниматели начинают использовать нововведения, повышающие эффективность производства, что ведет к новому подъему, и т. д.

В общественных науках мы находим бесчисленное множество подобных моделей. Они не всегда формулируются в явном виде и часто лишь подразумеваются. Не последняя тому причина — нежелание обществоведов, за исключением экономистов и, отчасти, социологов (со времен Т. Парсонса), признаваться в применении относительно простых схем. Со своей стороны заметим, что использование в явном виде схем или моделей свидетельствует не о слабости науки, а о ее силе — только в этом случае можно четко судить о предпосылках, механизме и степени общности предлагаемой концепции общественного развития, а тем самым и об уровне нашего знания об обществе.

§ 2. ПЕРИОДИЧНОСТЬ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ

— Я прилечу за тобой **приблизительно** часа в три, или в четыре, или в пять, но ни в **каком** случае не раньше шести, — сказал Карлсон. — Уж никак не позже семи, но едва ли раньше **восьми**... Ожидай меня примерно к девяти, после того как **пробьют** часы.

Астрид Линдгрен. Малыш и Карлсон, который живет на крыше

Как показывает даже поверхностный анализ работ, посвященных циклическим процессам в историческом развитии, в них ис-

¹⁶ Coombs 1984; Fontvieille 1979; Perez 1986 и др.; обзор см. в: Савельева 1989.

пользуются циклы с самыми различными средними периодами (длительностью). В настоящем параграфе мы рассмотрим наиболее популярные в научной литературе типы периодических колебаний и их датировки, а также попытаемся выяснить, от чего зависит выбор цикла той или иной длительности сторонниками этого подхода к историческому анализу.

Следует подчеркнуть, что понятие периода или длительности цикла является достаточно эфемерным. Если не считать архаичных астрологических схем, никто из сторонников циклических концепций развития общества не постулирует жесткую периодичность. Во всех работах речь идет о некоей усредненной продолжительности того или иного цикла, причем период циклических колебаний может варьироваться в столь широких пределах, что иногда возникает сомнение в правомерности обсуждения среднего **показателя**¹⁷. Поэтому любой усредненный период цикла должен рассматриваться скорее в качестве одного из условных элементов циклической схемы, чем в качестве сколько-нибудь точной эмпирической оценки.

Заметим также, что в работах, посвященных циклическим процессам в развитии общества, используется два разных типа периодичностей. Первый — это периодичность в наступлении *событий*: войн, революций, экономических кризисов, финансовых паник и т. д. Второй тип — периодическая смена *фаз* цикла. Например, для двухфазных циклов это может быть **подъем—упадок** в экономике, консервативное или либеральное общественное сознание, экстравертная или интравертная внешняя политика, периоды анализа или синтеза в научном мышлении, **классицизм—романтизм** в искусстве, мода на длинные или короткие юбки и т. д. В более сложных циклических схемах количество периодов может увеличиваться — например, в экономическом цикле это может быть **оживление—подъем—кризис—депрессия** и т. д. Формально схемы периодизации циклов по событиям и по периодам различаются, но по существу они оказываются тождественными: периоды так или иначе отделяются не-

¹⁷ Сплошь и рядом встречаются случаи, когда отклонение от средней продолжительности в обе стороны превышает половину постулируемой длины периода, что не укладывается ни в какие статистические критерии надежности оценки средней. Например, «деловые **циклы**», по оценке Национального бюро экономических исследований США, имеют среднюю продолжительность 4,5 года, тогда как их реальная длительность колеблется в пределах от 2 до 8 лет.

кими событиями, а события почти всегда рассматриваются как результат развития в предыдущем периоде цикла.

Циклические схемы общественного развития получили распространение со второй половины XIX в. — в течение предшествующего столетия, как отмечалось в главе 3, § 1, популярностью пользовались преимущественно линейные концепции. Но для работ конца XIX — начала XX в. была характерна идея *единственности* цикла. Каждый автор, предлагая ту или иную циклическую схему, предполагал и доказывал ее единственность и универсальность. Это было типично и для экономических, и для социально-политических исследований.

Так, с середины XIX до начала XX в. большинство исследователей исходило из того, что существует лишь один вид экономического **цикла**, получивший название «промышленного» или «делового». Продолжительность этого цикла принималась равной **8—10** годам, и впервые его выделил французский экономист К. Жугляр в середине прошлого века (*Juglar* 1862). Цикл с примерно той же периодичностью рассматривался К. Марксом, и впоследствии он прочно вошел в проблематику марксистской экономической теории. В циклических схемах социального и политического развития также доминировали представления о единственном цикле — либо цикле поколений продолжительностью **28—33** года, либо об удвоенном цикле поколений (цикл «отцов и детей») с периодом **50—60** лет.

В 20-е годы нашего века тезис о единственности цикла стал постепенно размываться. Существенную роль в этом процессе сыграли экономические исследования. Например, Дж. Китчин продемонстрировал наличие колебаний в американской экономике со средней продолжительностью 3,5 года (*Kitchin* 1923). Примерно в это же время Н. Кондратьев эмпирически обосновал наличие экономических колебаний с периодом около 50 лет (*Кондратьев* 1925; 1989 [1928]). Чуть позднее американский экономист С. Кузнец продемонстрировал наличие колебаний длительностью около 20 лет (*Kuznets* 1930; 1946; 1958). Важную роль в утверждении идеи множественности экономических циклов сыграла работа Й. Шумпетера (*Schumpeter* 1939), в которой этот тезис был впервые сформулирован в явном виде.

Аналогичные изменения в подходе к проблеме циклов коснулись и других социальных **дисциплин**. Наряду с циклом поколений и его производными в **20—30-е** годы получил популярность 11-летний **Цикл солнечной активности** (*Чижевский* 1990 [1924]; 1976 [1936]; 1995 [1929—1933]), а позднее — и другие «климатические циклы» самой

разной продолжительности (см., например: *Леруа Ладюри* 1971 [1967]). Распространению концепции множественности социальных, политических и культурных циклов в первую очередь способствовала работа коллеги *Шумпетера* по Гарвардскому университету *П. Сорокина* (*Sorokin* 1937—1941), хотя сам он уделял основное внимание 500-летним циклам в развитии культуры. После второй мировой войны предметом анализа стали также циклические процессы продолжительностью от 100 до 300 лет — циклы гегемонии и генеральных войн (А. Тойнби, Дж. Модельски, И. Уоллерстайн, Дж. Голдстайн и др.), «логистические циклы» (Р. Камерон), «вековые тренды» (Ф. Бродель) и т. д. и т. п.

Свою лепту внесли и математики, разработавшие теорию случайных процессов и ее приложения к анализу временных рядов. В основе этого подхода лежит предположение о том, что любой ряд динамики может быть представлен как сумма бесконечного множества колебательных траекторий. Все ряды в таком представлении отличаются друг от друга лишь амплитудой (или весами, с которыми колебания той или иной частоты входят в итоговую сумму) и фазой (датировкой) колебаний разных частот¹⁸.

В контексте теории случайных процессов меняется само определение циклических колебаний и, в частности, трактовка проблемы их периодичности. Дело в том, что в структуре каждого временного ряда имеются синусоидальные составляющие любой продолжительности, поэтому выделение подобной составляющей, скажем, с периодом в 50 лет возможно, в принципе, в любом временном ряду (даже если его длина меньше указанной продолжительности).

Так или иначе, во второй половине XX в. идея множественности циклов приобрела права гражданства в научном сообществе и схемы, использующие циклы с разной периодичностью, стали рассматриваться не как конкурирующие, а как взаимно дополняющие друг друга. Учитывая многообразие рассматриваемых в литературе циклических процессов, мы остановимся лишь на некоторых наиболее популярных периодах: 4—5 лет (так называемые «деловые» и

¹⁸ Создание собственно теории случайных процессов было в основном закончено уже в 30-е годы (см., например: *Wold* 1954 [1938]). Однако начало ее широкого практического применения относится к 60-м годам, когда появились новые вычислительные возможности благодаря массовому внедрению ЭВМ. Именно в эти годы стали использоваться методы спектрального анализа, линейной фильтрации и другие практические приложения данной теории (см., например: *Лозе* 1963 [1955]; *Хеннан* 1964 [1960]; *Маленво* 1976 [1969]).

«политические» циклы); 10—12 лет (циклы солнечной активности), 18—23 года (строительные или миграционные циклы), 25—33 года (цикл смены поколений); 50—60 лет (длинные циклы или циклы «отцов и детей»); 110—120 лет (циклы гегемонии или генеральных войн); 250—400 лет (логистики или вековые тренды).

1. От трех до тридцати

В XX в. пальму первенства по «популярности» несомненно удерживают циклы продолжительностью 4—5 лет, которые связываются прежде всего с периодическими колебаниями экономической активности. Количество работ, посвященных «деловым циклам» (business cycles), без преувеличения исчисляется тысячами, поскольку эта тема является одной из центральных в макроэкономической теории. При этом изучение деловых циклов как самостоятельного явления имеет не слишком продолжительную историю. Еще в первой половине XIX в. «большинство экономистов занималось исследованием кризисов, а не циклов» и видело «в кризисах не фазу периодического процесса... а, скорее, признаки надвигающегося и еще невиданного по масштабам экономического катаклизма, — своего рода экономического апокалипсис» (*Аукуционек* 1991, с. 152—153).

Начало анализу деловых циклов положила упоминавшаяся работа *К. Жугляра* (*Juglar* 1862), но для утверждения этой проблематики в экономической науке потребовалось более двадцати лет. Только после выхода в свет работы *У. С. Джевонса* (*Jevons* 1884) и издания в 1885 г. подготовленного *Ф. Энгельсом* II тома «Капитала» *К. Маркса* возник мощный поток исследований по данной теме¹⁹.

Но несмотря на обилие исследований, до 1930-х годов датировка циклов **остарались** предметом дискуссий. Существенные расхожде-

¹⁹ Количество работ, опубликованных за истекшие сто с небольшим лет, столь велико, что не представляется возможным дать их даже самый краткий обзор, равно как и перечислить хотя бы основные концепции, с помощью которых экономисты пытались объяснить происхождение периодических колебаний хозяйственной конъюнктуры (правда, подавляющее большинство этих концепций подпадает под нашу рубрику «механических моделей», рассмотренную в предыдущем параграфе). Поэтому ограничимся отсылкой к нескольким работам, которые могут дать первое впечатление о состоянии исследований в этой области и содержат библиографию наиболее известных публикаций последних десятилетий: *Аукуционек* 1984; *Горохова, Григорьев* 1988; *Gordon* 1986.

ния в датировках подъемов и спадов экономической активности обуславливали значительный разброс в оценках периодичности этих циклов. В работах К. Жугляра, У. Джевонса и К. Маркса период деловых циклов оценивался в 8—10 лет, но развитие экономической статистики позволило уже в 1920-е годы выявить наличие циклов хозяйственной конъюнктуры с периодом 3—4 года (Kitchin 1923). Возник закономерный вопрос, об одних и тех же ли деловых циклах идет речь, а если нет, то какие из них являются «правильными» или «основными». Как отмечалось выше, позднее проблема была решена путем признания факта множественности циклических процессов, но вначале этот разнобой в оценках стимулировал работу по датировке деловых циклов.

Эти разработки начало вести в 1920-е годы Национальное бюро экономических исследований (НБЭИ) США. В разные периоды «циклическую» программу, в которой участвовало большое число сотрудников НБЭИ, возглавляли У. Митчелл, А. Бэрнс, Дж. Мур и В. Зарновиц. На основе анализа огромного количества статистических рядов была разработана датировка стандартного или «референтного» делового цикла. Программа НБЭИ стимулировала аналогичные исследования и в других странах, и к настоящему моменту общепринятая датировка разработана для Англии с начала XVIII в., для США — с конца XVIII в., для Франции — с 1830 г. и для Германии — с 1850 г., причем начиная с середины прошлого века поворотные точки датированы с точностью до месяца (см.: Moore, Zarnovitz 1986)²⁰.

Исследования деловых циклов позволили сформулировать несколько общих принципов, которые относятся к датировке любых циклов в динамике общества. Прежде всего все циклы имеют страновую специфику, и говорить о существовании «мирового» или даже «европейского» цикла того или иного типа можно только с очень большой степенью условности, да и то лишь после того, как выделены соответствующие циклы для отдельных стран и установлена степень их синхронности. Что касается «**страновых**» циклов, то здесь

²⁰ При определении поворотных точек послевоенных деловых циклов в европейских странах возникают некоторые сложности, связанные с уменьшением амплитуды колебаний экономической активности и отсутствием четко выраженных спадов хозяйственной конъюнктуры. В связи с этим для послевоенного периода обычно используется специальная процедура, основанная на выделении так называемых «циклов роста» (т. е. колебаний вокруг повышательного тренда), разработанная И. Минц (Mintz 1969, 1974); см. также: Moore 1983; Klein, Moore 1985.

необходимо различать так называемые «специфические» (specific) и «референтные» (reference) циклы. Дело в том, что колебания присутствия практически любому показателю динамики общественного развития (более того, современные методы математического анализа временных рядов позволяют в любом показателе выделить циклическую составляющую любой длительности). Но эти колебания могут рассматриваться лишь как циклы, «специфические» для данного показателя, и их датировки могут сильно различаться между собой. Датировка же агрегатного или «референтного» общеэкономического цикла возможна лишь на основе анализа и некоей процедуры усреднения большого числа индивидуальных специфических циклов отдельных показателей.

Как легко догадаться, подобная работа **требует** значительных усилий по сбору, обработке и анализу эмпирических данных, и фактически она проделана только для краткосрочных экономических колебаний. Поэтому лишь датировка деловых циклов, которую мы приводим в Приложении в конце данной главы (табл. П.4.1), является общепринятой, в отличие от всех остальных циклических процессов, которые будут рассматриваться ниже и для которых создание «референтных» датировок остается делом будущего.

Как свидетельствуют приведенные в табл. П.4.1 данные, средняя продолжительность делового цикла в XVIII — первой половине XIX вв. составляла около 5 лет и практически не менялась на протяжении этого периода, при этом спад занимал примерно 40% всего цикла. В XX в. средняя продолжительность цикла сократилась до 4-х с небольшим лет, при этом спады стали занимать всего 25—30% длины цикла²¹.

Начиная с 1970-х годов циклы с периодом 4—5 лет начали активно использоваться в работах не только по экономической, но и по политической истории. Речь идет о циклах, связанных с выборами, или «политических деловых циклах» (political business cycles). Здесь, во-пер-

²¹ Уточнение датировок референтного «делового цикла» позволило снять вопрос о существовании отдельных «циклов Китчина» с периодом 3—4 года. Хотя в американской экономике некоторые показатели (прежде всего запасы готовой продукции и величина потребительского спроса на товары длительного пользования, в первую очередь автомобили) в отдельные периоды действительно испытывали колебания с периодом, чуть меньшим «референтного», эти различия оказались не столь существенными и подобные отклонения теперь относятся к разряду «специфических» циклов.

вых, рассматривается влияние экономических циклов на электоральное поведение населения, а тем самым на формирование политических циклов, период которых совпадает со сроками **выборов**²². Во-вторых, обсуждается вопрос об обратном влиянии «циклов выборов» или «политических циклов» на экономику. Речь идет о том, что стремление правящей партии удержаться у власти определяет цикличность государственной экономической политики — идея, восходящая к известной работе Э. Даунза «**Экономическая** теория демократии» (*Downs* 1957). Цикличность проявляется в динамике государственного регулирования экономики, ориентированного на обеспечение максимального процветания (минимальных темпов инфляции и минимального уровня безработицы) к моменту выборов. Подобная стимулирующая предвыборная политика после выборов приводит к спаду или увеличению темпов роста **цен**²³.

Как первый, так и второй подход к анализу взаимосвязи экономической конъюнктуры и электорального поведения **предполагает**, что избиратели «близоруки», т. е. реагируют только на состояние экономики, наблюдаемое непосредственно перед выборами, а не оценивают экономическое положение за весь срок пребывания данного правительства у власти. В связи с этим многие исследователи предлагают другой подход к проблеме «политического делового **цикла**», основанный на так называемой «партийной» модели. Считается, что состояние экономики зависит от того, какая партия находится у власти (эти модели используются обычно для стран с двухпартийной системой — США, Великобритании и некоторых других европейских государств). Утверждается, в частности, что в периоды нахождения у власти демократической партии в США и социалистических партий в европейских странах темпы инфляции выше, а уровень безработицы ниже, чем во времена правления республиканцев в США и консервативных правительств в **Европе**²⁴.

Заметим, что несмотря на обилие исследований в области «политического делового **цикла**», эти циклы не имеют собственной перио-

²² См.: *Mueller* 1970, *Kramer* 1971, *Stigler* 1973, *Fair* 1978, 1982, 1988, *Fiorina* 1981, *Erikson* 1988, 1989

²³ См., например: *Nordhaus* 1975, 1989, *McRae* 1977, *Tufte* 1978, *Kirchgassner* 1985; а также *Аукционек* 1984, с. 102—123.

²⁴ См., например: *Hibbs* 1977, 1986, 1987, *Alesina* 1987, *Alesina* 1987, *Alesina et al* 1991, *Paldam* 1979, 1981a, 1981b, 1986; обзоры см. в: *Hibbs et al* 1981; *Аукционек* 1984, с. 102—123; 1988.

дизации: она совпадает или с датировками деловых циклов, или со сроками выборов в соответствующих странах.

Следующий популярный в литературе по общественным наукам период циклических колебаний, равный **10—12** годам, самостоятельным объектом изучения стал лишь в начале XX в. Дело в том, что в конце XIX в., как отмечалось выше, бытовало мнение, что период деловых циклов составляет **8—10** лет. Развитие эмпирической базы позволило установить, что на самом деле он равен примерно **5—6** годам (см. табл. П.4.1), а колебания с периодом **10—12** лет следует рассматривать как отдельное явление.

Еще в конце XIX в. эти циклы стали увязываться с колебаниями солнечной активности. Эта идея разрабатывалась, в частности, известным английским экономистом У. Джевансом (*Jevons* 1884), а популярной она стала в первой трети XX в. Как уже было отмечено, в современных исследованиях **10—12-летние** циклы обычно рассматриваются применительно к динамике сельского хозяйства в «**доиндустриальную**» эпоху²⁵.

Их датировка, в отличие от многих других, не вызывает разногласий, поскольку она основана на данных астрономических наблюдений, регистрирующих площадь «солнечных **пятен**». В табл. 4.1 мы приводим даты максимумов и минимумов солнечной активности, к которым «**привязывается**» соответствующая динамика экономических и социальных процессов. Заметим, что **10—12-летние** циклы преимущественно анализировались в экономической истории, хотя предпринималось несколько попыток распространить их и на социально-политическую сферу.

Так, А. Чижевский утверждал, что «течение всемирно-исторического процесса составляет из непрерывного ряда циклов, занимающих промежуток времени, равный в среднем арифметическом **11** годам, и синхроничных в степени своей активности периодической пятнообразовательной активности Солнца» (*Чижевский* 1990 [1924], с. 151). В 11-летнем историческом цикле Чижевский выделял четыре фазы:

- I - фаза минимальной возбудимости (3 года);
- II - фаза нарастания возбудимости (2 года);
- III - фаза максимальной возбудимости (3 года);
- IV - фаза падения возбудимости (3 года).

²⁵ *Stetson* 1947, ch. 14; *Akerman* 1957, v. 2, p. 249; *Ashton* 1959, ch. 2; *Deane* 1967, p. 227-228; *Mathias* 1969, p. 228-231; *Cass, Shell* 1983; *Mirowski* 1984.

Таблица 4.1.

Датировка циклов солнечной активности, годы

XVII в.		XVIII в.		XIX в.		XX в.	
max	min	max	min	max	min	max	min
1605	1610	1705	1712	1804	1810	1905	1913
1615	1619	1718	1723	1816	1823	1917	1923
1626	1634	1727	1734	1830	1833	1926	
1639	1645	1738	1745	1837	1843		
1649	1655	1750	1755	1848	1856		
1660	1666	1761	1766	1860	1867		
1675	1679	1769	1775	1870	1878		
1685	1689	1778	1784	1883	1889		
1693	1698	1788	1798	1893	1901		
11,7	11,0	10,6	11,1	11,7	11,4	11,0	11,0
2,8	2,1	1,7	1,8	2,6	1,1	1,7	1,4

Примечание: в предпоследней строке таблицы приведены средние продолжительности циклов в годах; в последней строке — среднеквадратичное отклонение.

Источники: Чижевский 1976 [1936]; Бокс, Дженкинс 1974.

Поворотные пункты всемирной истории, по Чижевскому, в основном приходятся на третью фазу солнечного цикла. Именно в этот период достигает максимума влияние вождей, полководцев, ораторов, прессы: «... Хотя историческая жизнь человечества не утихает ни на минуту и постоянно вспыхивает то в одном, то в другом участке Земли — в моменты максимумов солнцедетельности она получает почти полное развитие по всей поверхности планеты» (Чижевский 1990 [1924], с. 142; подробнее см.: Чижевский 1995 [1929—1933], с. 242—349).

В свою очередь российский историк и астроном Д. Святский доказывал, что годы максимумов солнечной активности неизменно сопровождались революциями: 1830, 1848 и 1870 гг. — во Франции, 1860 г. — в Италии, 1905 и 1917 гг. — в России (см.: Плотинский 1992, с. 61).

К сожалению, нам неизвестны более поздние попытки анализа 10—12-летних колебаний в применении к социальной и политической

истории²⁶, да и в экономической истории эти циклы в настоящее время используются крайне редко. Но свято место пусто не бывает, и спад интереса к 11-летним циклам сопровождался активизацией исследований 20-летних колебаний.

Первые работы, в которых анализировались 20-летние экономические циклы, появились в 30-е годы в США (Riggleman 1933; Newman 1935). Вначале они однозначно связывались с динамикой жилищного строительства, но уже в работах конца 1930-х — начала 1940-х годов была рассмотрена связь «строительных» циклов с другими сферами экономики — производством чугуна и мебели, миграцией населения из сельской местности в города, изменением процентных ставок и биржевых курсов акций, развитием железных дорог и, наконец, динамикой национального дохода и продукта в целом²⁷. Постепенно 20-летние циклы в экономике перестали именоваться «строительными» и получили название «длинные колебания» (long swings), а позднее — «циклы Кузнец», поскольку именно С. Кузнец первым продемонстрировал их универсальный характер (подробнее см.: Бойко 1989).

В 50—60-е годы исследования по этой проблематике еще больше активизировались. Во-первых, наряду с новыми исследованиями циклических процессов в американской экономике было продемонстрировано существование «циклов Кузнец» в Великобритании, Германии и Франции, а затем и в Австралии и Канаде, причем в Англии они были обнаружены не только в XIX, но и в XVIII в.²⁸ Во-вторых, «циклы Кузнец» стали связываться с процессом международной миграции (Thomas 1954; 1958), а отсюда, с одной стороны, с динамикой численности населения и других демографических показателей (Kuznets 1958; Easterlin 1968), с другой — с международным движением капиталов (Bloomfield 1968).

²⁶ Можно упомянуть лишь забавный мистико-астрологический вариант 12-летних циклов, в соответствии с которым в России в XX в. главные политические события происходят каждые 12 лет: 1905 и 1917 гг. — революции, 1929 г. — приход Сталина к власти, 1941 г. — начало Отечественной войны, 1953 г. — смерть Сталина, 1965 г. (на самом деле, конец 1964 г.) — начало правления Брежнева, 1977 г. — ?, 1989 г. — начало распада СССР.

²⁷ Warren, Pearson 1937; Long 1940; Hard 1942; Silberling 1943; Kuznets 1946; Хансен 1959 [1951].

²⁸ См.: W Lewis, O'Leary 1955; W. Lewis 1978; Cooney 1960; Abramovitz 1961; 1964; 1968; Matthews 1962; J. Lewis 1965; Bloomfield 1968.

Точная датировка «циклов Кузнеца» представляет известную сложность. Как и любые колебания, они не вполне синхронно проявляются в динамике разных показателей, а поскольку «референтная» периодизация для них не разработана, каждый автор по существу пользуется своими «специфическими» циклами. Поэтому мы ограничимся иллюстративным графиком, на котором представлены два показателя, наиболее наглядно демонстрирующие 20-летние колебания, — объем жилищного строительства и приток иммигрантов в США (см. рис. 4.2).

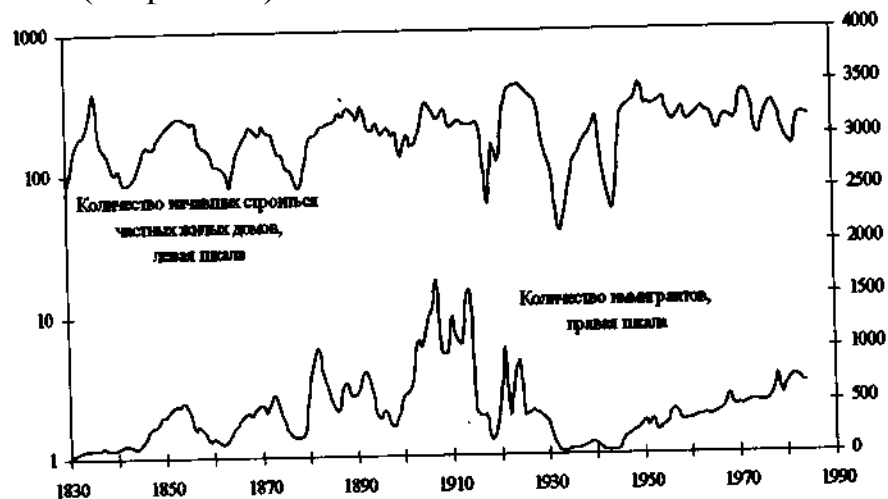

Рисунок 4.2. Жилищное строительство и иммиграция в США (в расчете на 10 000 жителей, 1840 = 100)

В 70—80-е годы количество работ, посвященных «циклам Кузнеца», резко сократилось. Постепенно утвердилось мнение, что эти циклы имели преходящий характер и проявлялись только в определенном историческом периоде: в Англии — со второй трети XVIII в., в США — со второй трети XIX в. до второй мировой войны (Abramovitz 1968; Rostow 1975; 1978). Это, впрочем, не вызывает удивления, поскольку с середины 1930-х годов резко изменился характер международной миграции, что отчетливо видно и на приведенном графике. Точно так же изменился и характер жилищного строительства, как по технологическим, так и по финансовым причинам — колебания в этом секторе стали гораздо менее выраженными, чем в XIX в. Тем са-

мым циклы 20-летней продолжительности перешли в основном в ведение экономических историков и специалистов по исторической демографии, занимающихся XIX веком.

Для полноты картины упомянем, наконец, о 30-летних циклах, которые, впрочем, никогда не привлекали к себе сколько-нибудь заметного внимания. Некоторые авторы, прежде всего демографы и экономисты, рассматривают их как вариант 20-летних «циклов Кузнеца» или «длинных колебаний» (long swings; см., например: Easterlin et al. 1978; Solomou 1987). Лишь несколько специалистов по политической истории пытались придать им самостоятельное значение: в частности, они обсуждаются в переведенной и изданной массовым тиражом в России популяризаторской работе А. Шлезингера-мл. «Циклы американской истории» (Шлезингер 1992 [1986]).

В числе исследователей 25-30-летних циклов сам Шлезингер называет Г. Адамса, Х. Ортегу-и-Гассета и А. Шлезингера-ст. Со своей стороны к этому короткому списку мы можем добавить двух историков XIX в. — Ж. Дромеля и О. Лоренца²⁹. Перечисленные авторы, равно как и сам Шлезингер-мл., для объяснения 30-летнего цикла используют механизм смены поколений, точнее, чередования «отцов и детей». Но, в отличие от других сторонников «поколенческой» модели, они полагают, что срок жизни социального поколения составляет не 25—30 лет, а «только половину дозы», т. е. 12—15 лет. В этом случае полный период цикла составляет искомые 25—30 лет, в течение которых сменяется два поколения³⁰.

Г. Адаме связывал 25—30-летний цикл смены поколений с чередованием периодов «распыления и централизации национальной

²⁹ См.: Dromel 1862; Lorenz 1886; 1891; Adams 1931 [1889—1891], v. 6; Omega-u-Gasset 1991 [1930]; 1997 [1929]; Schlesinger 1964 [1949].

³⁰ «Каждое поколение, став политически совершеннолетним, тратит первые пятнадцать лет на то, что бросает вызов поколению, которое уже имеет власть и защищает ее. Затем это новое поколение само приходит к власти на пятнадцать лет, после чего его политическая активность слабеет, а новое подросшее поколение претендует на роль преемника» (Шлезингер 1992 [1986], с. 51).

Ср.: «Срок жизни одного поколения — около тридцати лет. Но срок этот делится на два разных и приблизительно равных периода: в течение первого новое поколение распространяет свои идеи, склонности и вкусы, которые утверждаются прочно и в течение всего второго периода господствуют. Тем временем поколение, выросшее под их господством, уже несет свои идеи, склонности и вкусы, постепенно пропитывая ими общественную атмосферу» (Omega-u-Gasset 1991 [1930], с. 331, сн.).

энергии» американцев, оба Шлезингера (старший и младший) — со сменой консервативных и либеральных настроений в американском обществе, Х. Ортега-и-Гассет трактовал его как чередование «революционных» и «реставрационных» взглядов. Что касается датировки этих циклов, то у Ортеги она просто отсутствует, а датировку Шлезингеров мы рассмотрим чуть ниже в связи с **50—60-летними** циклами.

2. Пятьдесят—шестьдесят

Одно из первых упоминаний об экономических циклах продолжительностью 50–60 лет встречается в опубликованной в конце XIX в. книге У. Джевонса (*Jevons 1884*). Но всерьез эта тема стала разрабатываться только в **1910—1920-е** годы в работах голландских исследователей Я. ван Гельдерена (писавшего под псевдонимом Я. Феддер) и С. де Вольфа и русского экономиста Н. Кондратьева (*Gelderen 1913; Wolff 1924; Кондратьев 1925; 1989 [1928]; 1928*)³¹. С конца 30-х годов, т. е. со времени выхода в свет работы Й. Шумпетера «Деловые циклы» (*Schumpeter 1939*), для обозначения циклов данной периодичности стал использоваться термин «циклы **Кондратьева**». Первоначально он применялся только в экономике, а позднее был включен в терминологическое поле социальной и политической истории. Циклы с периодом **50—60 лет** в литературе именуется также «большими **циклами**», «длинными волнами», «долговременными колебаниями» и т. д.³².

В сфере экономики исследования циклов Кондратьева делятся на две части, относящиеся к индустриальному и **доиндустриальному** периодам. Начиная с пионерских работ самого Кондратьева и до конца 1950-х годов циклические колебания с периодом **50—60 лет**

³¹ В связи с тем, что работа ван Гельдерена была опубликована на **голландском**, а Кондратьева — на русском языке, они стали известны в других странах лишь в 1930-е — начале 1940-х годов. Работы ван Гельдерена и де Вольфа получили известность в Европе и США благодаря монографии С. Кузнецца (*Kuznets 1930*), а статьи Кондратьева — благодаря книге Й. Шумпетера (*Schumpeter 1939*) и статье того же Кузнецца (*Kuznets 1940*).

³² Количество статей и монографий, посвященных «циклам Кондратьева» исчисляется сотнями. Наиболее полные обзоры этих исследований содержатся в: *Энгов, Макашева 1985, 1989; Меньшиков, Клименко 1989; Weinstock 1964; Barr 1979; Delbeke 1981; Plumpe, Resenkranz 1981; Duijn 1983; Zschocke 1985; Goldstein 1988.*

анализировались в основном на сравнительно коротком историческом промежутке — не ранее, чем с конца XVIII в. (среди немногочисленных исключений можно отметить работу: *Wagemann 1931*). Изучение же длинных циклов в **доиндустриальную** эпоху началось, по существу, только с фундаментальной монографии Г. Эмбера (*Imbert 1959*), которая послужила толчком к началу активных исследований в этой области.

Деление работ по анализируемому в них периоду имело и содержательные отличия. «Индустриальными» длинными циклами занимались в основном экономисты (к числу немногих исключений можно отнести Ф. Симиана и Э. Лабрусса — см.: *Simiand 1932a; 1932b; Labrousse 1933—1936; 1944*), а «**доиндустриальными**» — историки. Соответственно, усилия специалистов по «**доиндустриальным**» циклам были сосредоточены прежде всего на поиске, сборе и обработке исторических данных, которые позволяли построить динамические ряды, характеризующие долгосрочные колебания в экономике. В первую очередь речь шла о рядах цен, в гораздо меньшей степени — производства, и, в виде исключения, об отдельных индикаторах торгового оборота, денежного обращения, демографических показателях и т. д.³³.

Что касается работ, посвященных «индустриальным циклам» XIX и XX в., то основное внимание в них уделялось не столько поиску и построению статистических рядов, сколько методам выделения длинноволновых колебаний и попыткам определить механизм их **возникновения**³⁴. Среди популярных механизмов длинных циклов можно отметить инвестиционные концепции (процесс перенакопления **капитала**, волны обновления капитала с длительными сроками службы, движение нормы прибыли); денежно-кредитные (динамика денежной массы, открытие месторождений золота и серебра); инновационные (неравномерность научно-технического прогресса, циклы жизни продуктов и изобретений), демографические (изменение рождаемости и смертности, процессы миграции) и т. д. (подробнее см.: *Полемаев, Савельева 1993*, гл. 1).

³³ См., например: *Baehrel 1961; Mauro 1964; Braudel, Spooner 1967; Ebeling, Irsigler 1976; Бродель 1986—1992 [1979]*, т. 3; *Hopkins, Wallerstein et al. 1979; Миронов 1981; Cole 1982; Кахк, Реммель 1983; Grenier 1983; Metz 1983; 1984; Morineau 1984; Irsigler, Metz 1984; Zschocke 1984; Goldstein 1988*; и др.

³⁴ Наиболее известные монографии последних десятилетий: *Mensch 1979 [1975]; Duijn 1983 [1979]; Mandel 1980; Freeman et al. 1982; Kleinknecht 1987.*

Имеющиеся расхождения в датировке длинных волн в экономике определяются несколькими обстоятельствами.

Во-первых, спецификой страны. Хотя циклы Кондратьева обычно рассматриваются как «мировой» или «международный» феномен, по существу каждый автор использует национальную статистику отдельных стран (хотя это далеко не всегда оговаривается). Ясно, что сколь тесными ни были бы мирохозяйственные связи, все равно колебания экономической активности в разных странах никогда не могут быть абсолютно синхронными.

Во-вторых, методом выделения длинноволновых колебаний. Как правило, циклы Кондратьева анализируются с помощью тех или иных методов обработки первичных статистических рядов (выделение тренда, сглаживание и т. д.). Ряд авторов, и мы в их числе, отдает предпочтение так называемому методу линейной фильтрации (подробнее см.: *Полеаев, Савельева* 1993). В принципе, различия в методике выделения длинных волн могут сказываться и на их датировке, но, как показывает наш анализ, роль этого фактора невелика.

В третьих, различием между динамикой абсолютных показателей и темпов прироста. Это проблема последних десятилетий, когда многие авторы начали рассматривать длинные волны как колебания в темпах прироста показателей промышленного производства или ВВП/ВНП в постоянных ценах (до этого длинные волны исследовались главным образом на основе абсолютных показателей динамики цен). Дело в том, что волновая динамика показателя темпов прироста опережает волновую динамику исходного абсолютного показателя примерно на $1/4$ длины цикла³⁵.

Наконец, для датировки длинных циклов самое существенное значение имеет выбор статистического показателя. Наибольшие разно-

³⁵ Для объяснения причин существования этого сдвига напомним некоторые элементарные математические зависимости. Упрощенно говоря, волна есть не что иное, как синусоида (в более общем случае — результат сложения нескольких синусоид, но это не меняет существа дела). В свою очередь темп прироста эквивалентен оценке производной данного ряда. Напомним, что производная функции синуса равна косинусу, который сдвинут по фазе относительно синуса на $1/4$ периода колебаний.

Заметим, что едва ли не единственным специалистом по длинным волнам, кто обратил внимание на это обстоятельство, оказался, как ни странно, не экономист, а историк и политолог Дж. **Голдстейн** (*Goldstein* 1988, р. 190—191), однако его наблюдение осталось практически незамеченным другими исследователями.

чтения, в частности, вызывают различия в динамике цен и производства: например, для аграрной экономики было характерно разнонаправленное изменение цен и производства на сельскохозяйственную продукцию: периодам максимального уровня цен соответствовали периоды минимального объема производства, и наоборот (см.: *Baehrel* 1961; *Metz* 1983; 1984; и др.).

В индустриальной экономике зависимость между динамикой цен и производства имеет более сложный характер. Как показывает опыт изучения деловых циклов во второй половине XIX — первой трети XX в., поворотные точки в циклической динамике показателей, характеризующих объем производства, обычно опережают поворотные точки в колебаниях цен на $1/4$ Длины цикла. Эта же зависимость сохраняется и для «**индустриальных**» длинных циклов. Учитывая упомянутый выше сдвиг, обусловленный разницей между динамикой темпов прироста и абсолютных показателей, мы получаем, что в индустриальной экономике волны темпов прироста производства должны двигаться в противофазе с волнами абсолютных показателей цен. Иными словами, максимумам ценовых волн соответствуют минимумы волн в темпах прироста производства.

Это неизбежно порождает путаницу в определении повышательных фаз (подъемов) и понижательных фаз (спадов) длинных циклов. Периодам роста цен, которые обычно определяются как повышательные фазы (подъемы), соответствует сокращение объема производства, а в аграрной экономике — голод и повышение смертности. Пики в динамике цен на сельскохозяйственную продукцию приходится, как правило, на периоды войн и разрухи, которые вряд ли можно счесть экономическим процветанием. Одним из немногих, кто обратил внимание на эту проблему, был **Й. Шумпетер** (*Schumpeter* 1939): он датирует поворотные точки **50-летних** колебаний так же, как другие авторы, но в некотором смысле «с обратным знаком» — то, что другие считают точками максимумов, Шумпетер считал минимумами длинного цикла, и наоборот.

С учетом этих оговорок мы представляем датировки **50—60-летних** циклов в экономике начиная с XIII в. В Приложении в конце данной главы (табл. **П.4.2**) собраны как наиболее известные оценки из уже опубликованных, так и результаты наших расчетов. Если оставить в стороне **межстрановые** различия, в большинстве случаев они близки друг к другу. Самые большие разногласия вызывает периодизация длинных волн в середине XVI в., когда в ходе «рево-

люции цен» происходили резкие изменения в ценовой структуре экономики. Некоторые, не слишком значительные, разночтения наблюдаются в датировке минимума ценовых волн (или максимума волн темпов производства) в середине XIX в. Наконец, дискуссионным остается вопрос о датировке длинных волн во второй половине XX в. — по видимому, должно пройти еще некоторое время, чтобы он лишился конъюнктурной политической окраски и стал объектом исторического анализа.

Мы остановились на проблемах датировки длинных волн в экономике так подробно потому, что их периодизация обычно служит отправной точкой для датировки «неэкономических» **50—60-летних** циклов, анализируемых в работах по политической, социальной и культурной истории общества.

В частности, очень распространены попытки обнаружить **50—60-летние** циклы в истории войн. Этот подход возник довольно давно — он восходит по крайней мере к работам немецких историков конца XIX в. Э. Зассе и Р. Мевеса (*Sasse 1879; Mewes 1896*; см.: *Sorokin 1937—1941*, v. 4, p. 494—498). В XX в. последовательным сторонником этой идеи был Арнольд Тойнби. В одном из разделов своего многотомного труда по истории цивилизаций он пытался показать, что крупные войны имеют строгую периодичность в 57,66 года (именно так, с двумя знаками после запятой, т. е. с точностью до четырех дней!) (*Toynbee 1934—1961*, v. 9, p. 287).

Подавляющее большинство исследователей так или иначе рассматривают циклы военной активности во взаимосвязи с экономическими циклами. Связь между войной и экономикой настолько очевидна (по крайней мере в одну сторону), что не требует специальных комментариев. Практически любая война несет с собой прежде всего повышение цен, причем, как правило, не только для жертвы нападения, но и для страны-агрессора. С анализа этой очевидной связи и начались первые систематические исследования взаимодействия между войнами и экономикой в ходе длинных циклов.

При этом, как и в ряде других случаев, здесь сталкиваются две точки зрения — «**материалистическая**» и «**идеалистическая**». Сторонники первой рассматривают колебания военной активности как отражение длинных экономических циклов; приверженцы другой, напротив, считают их генератором экономических колебаний, а причиной возникновения «военных циклов» обычно называют механизм смены поколений, который рассмотрен выше.

Что касается первой точки зрения, то, как и подавляющее большинство идей о механизме 50-летних циклов, гипотеза о влиянии экономических циклов на возникновение войн была высказана Н. Кондратьевым. Не развивая тему дальше, он ограничился замечанием о том, что усиление военной активности приходится на повышательные фазы длинного цикла, достигая максимума к их концу (*Кондратьев 1925; 1989 [1928]*)³⁶.

Другую, едва ли не более многочисленную, группу составляют работы, в которых сами войны рассматриваются в качестве причины **50—60-летних** колебаний в экономике (прежде всего речь идет о влиянии войн на движение цен). Первые такие исследования появились в конце 30-х — начале 40-х годов нашего века. Не останавливаясь специально на периодичности возникновения военных конфликтов, многие авторы доказывали, что долговременные колебания цен (точнее, их всплески и последующие спады) обусловлены именно действием **войн**³⁷.

Заметим, что большинство сторонников подобного подхода практически не рассматривает воздействие войн на производство (среди немногих исключений см.: *Rasler, Thompson 1985a; 1985b; Goldstein 1988*). Между тем для всех очевидно, что войны самым решительным образом влияют на сферу реального производства, по крайней мере на его структуру и темпы экономического роста, не говоря уже о возможности полного или частичного разрушения экономики (например в Германии, Японии или СССР во время второй мировой войны).

Что касается причин **50—60-летних** циклов самих военных конфликтов, то основной здесь является гипотеза о роли смены поколений. Одним из первых ее выдвинул, насколько нам известно, американский исследователь К. Райт: «Воин не хочет воевать снова сам и настраивает своего сына против войны, но внуки вырастают с романтическими представлениями о войне» (*Wright 1965 [1942]*, p. 230).

Активным сторонником идеи о связи периодичности войн со сменой поколений и соответствующим изменением психологии масс был также А. Тойнби: «Уцелевшая часть поколения, участвовавшего в военных действиях, будет делать все, чтобы ни им, ни их детям не

³⁶ Этот взгляд на проблему разделял Г. Эмбер (*Imbert 1959*); подробнее см.: *Goldstein 1988*.

³⁷ См.: *Åkerman 1979 [1932]; Ciriacy-Wantrup 1936; Bernstein 1940; Dickinson 1940; Rose 1941; Silberling 1943; Tinbergen, Polak, 1950 [1942]; Thompson, Zuk 1982*.

пришлось пережить подобный трагический опыт **снова...** и поэтому психологическое сопротивление любым действиям, нарушающим мир... оказывается непреодолимым до тех пор, пока новое поколение... не вырастет и не придет к власти. Точно так же милитаристские настроения, раз возникнув, будут существовать до тех пор, пока поколению, выросшему в условиях мира и с легким сердцем развязывающему войну, не придет на смену поколение, вынесшее войну на своих плечах» (*Toynbee 1934—1961*, т. 9, р. 322).

Тезис о роли смены поколений в определении периодичности войн неявно подразумевает изначально заложенное в человеке стремление к войне, присущую ему природную агрессивность (по Гоббсу). Только в случае, если этот инстинкт сталкивается с более сильным инстинктом страха и самосохранения, он на некоторое время подавляется (у тех, кто пережил войну). Затем агрессивность снова возникает как элемент индивидуальной и массовой психологии тех, кто не имеет военного опыта.

Конечно, полностью исключать роль смены поколений в формировании общественного сознания в целом и милитаристских настроений в частности, видимо, не следует. Однако тем более не следует преувеличивать ее роль в возникновении войн и вообще в определении внешней политики. В конце концов войны — это способ разрешения неких межгосударственных противоречий (а гражданские войны — метод разрешения противоречий между разными социальными группами, формирующимися отнюдь не по критерию возраста). Иными словами, причины войн могут быть объективными (в той мере, в какой вообще объективны интересы отдельных групп общества). И, как свидетельствует исторический опыт, в большинстве случаев это либо экономические, либо идеологические факторы. Последние, например, порождают религиозные войны, а на протяжении XIX—XX вв. — национальные войны (за национальную независимость или объединение) и войны, движимые стремлением к идеологической экспансии, навязыванию своей системы ценностей и т. д.

Войны, которые вызываются преимущественно экономическими причинами, как правило, обретают некий идеологический камуфляж и соответствующее идейное обоснование, тогда как войны, имеющие идеологическую причину, ведут к реализации и определенных экономических интересов.

Очевидно, что гипотеза о связи периодичности войн (да и других **явлений** социально-политической жизни общества) со сменой

поколений, привлекающая своей простотой и наглядностью на уровне обыденного **сознания**, вызывает слишком много **вопросов**. Трагический опыт войн бесспорно сказывается на настроениях испытавших их людей. **Соответственно** и политики, пережившие войну, по-иному смотрят на проблемы войны и мира, чем политические деятели, выросшие в мирное время. Вместе с тем выделять смену поколений в качестве ключевого объяснения колебаний военной активности вряд ли правомерно.

В датировке военных циклов используется два подхода. Первый основан на контент-анализе, с помощью которого выделяются наиболее крупные и значимые военные конфликты (так называемые **«генеральные войны»**). Определения и признаки **«генеральных»** войн могут существенно варьироваться (в частности, одни авторы относят к ним преимущественно войны на море, другие — на суше), но основным объектом анализа в подавляющем большинстве работ является европейская **история**. Что же касается истории других регионов мира, то она, к сожалению, остается вне поля зрения исследователей (исключая лишь войны Турции с европейскими странами).

Здесь же отметим, что хотя концепция «генеральных войн» довольно распространена в работах по политической истории, далеко не все ее сторонники усматривают в чередовании таких войн какую-либо периодичность. Так, Дж. Леви (*Levy 1985*), сравнивая списки «генеральных» войн, предложенные разными авторами, пришел к выводу, что о периодичности таких войн говорить не приходится. Заметно различаются и критерии их выделения у разных исследователей. Характерно, что сторонники и противники периодичности военных конфликтов предлагают разные списки **«генеральных»** войн: у первых они укладываются в **50—60-летние** интервалы, у вторых нет. В связи с этим возникает подозрение, что выбор «генеральных» войн весьма субъективен — как сторонники, так и противники идеи периодичности могут слегка «корректировать» предлагаемые ими списки в нужную сторону.

Второй подход к изучению периодичности возникновения войн основан на анализе колебаний *интенсивности* военных конфликтов, а именно, использовании количественных данных о длительности военных действий, числе вовлеченных в них стран и, наконец, масштабах потерь — людских и материальных, полученных на основе изучения хроник, летописей и прочих исторических документов (см.: *Wright 1965 [1942]*; *Richardson 1960*; *Levy 1983*). В результате много-

летних усилий сейчас мы располагаем оценками человеческих потерь в каждой из войн на протяжении последних пяти веков (начиная с 1495 г.). Не беремся судить о степени надежности этих данных — ясно, что они весьма **приблизительны**. Тем не менее они принимаются большинством исследователей за некоторую основу и практически не оспариваются.

На основе сведений о потерях в каждой из войн мы можем построить динамический ряд «военных смертей» в каждом году. В табл. 4.2 представлены наши оценки хронологии пиков военной активности (по людским потерям) и соответствующие им войны (подробнее о методике расчетов см.: *Полемаев, Савельева* 1993). В этой таблице также приведены данные об общем числе потерь в выделенных войнах и уровень вызванной ими смертности (число погибших на каждый миллион населения Европы). Конечно, эти данные неполны. В частности, они не содержат сведений о потерях в ходе гражданских войн, в том числе таких крупных, как Гражданская война в США 1866—1871 гг. и Гражданская война в России 1918—1921 гг., хотя ясно, что Гражданская война в США была для этой страны гораздо более существенной, чем Франко-Прусская война в Европе. Единственное, что можно гарантировать, так это непредвзятость исходной информации: дело в том, что в основе наших расчетов лежат оценки Дж. Леви (*Levy* 1983), который отстаивает тезис об отсутствии периодичности «генеральных» войн.

Несмотря на некоторую условность имеющихся данных, мы можем констатировать, что войны, на которые, судя по нашим оценкам, приходится пики военной активности, в целом совпадают со списком «крупных» или **«генеральных»** войн, который фигурирует в работах К. Райта, А. Тойнби, Дж. Голдстейна и других сторонников периодичности значительных военных конфликтов (см.: *Levy* 1985).

Говоря об имеющихся оценках пиков и спадов военной активности, сразу отметим, что вторая мировая война в эту циклическую картину не вписывается. Это, впрочем, достаточно очевидно: между первой и второй мировыми войнами прошло всего 20 лет, которые никак не укладываются в хронологию 50-летних циклов. По этому поводу высказывается две точки зрения. Первая состоит в том, что вторая мировая война — это всего лишь продолжение первой, так как первая не решила те проблемы, из-за которых она началась (претензии Германии на передел мира и мировое лидерство). Другими словами,

постулируется, что в первой половине нашего столетия была всего одна **«двухэтапная»** мировая война (*Wright* 1965 [1942]; *Modelski* 1978, 1979, 1981; *Wallerstein* 1983). Вторая позиция состоит в том, что механизм возникновения и ведения войн кардинально изменился в XX в., и в этом случае мы не можем распространять закономерности прошлого на современную эпоху (*Goldstein* 1988).

Таблица 4.2.

Датировка пиков 50—60-летних циклов военной активности

Пик военной активности	Названия войн	Период военных действий	Общая численность потерь (тыс. чел.)	Потери на млн. жителей, чел.
1500	Итальянские войны	1495—1504	н. д.	н. д.
1547	Вторая Османская война	1537—1547	97	1 329
1585	Война с Испанской Армадой	1584—1604	48	588
1637	Тридцатилетняя война (Швеция—Франция)	1635—1648	1 151	12 933
1702	Война за испанское наследство Вторая Северная война	1701—1713 1700—1721	1 251 64	12 490 640
1756	Семилетняя война	1755—1763	992	9 118
1806	Наполеоновские войны	1803—1815	1 869	16 112
1871	Франко-прусская война	1870—1871	180	1 415
1915	Первая мировая война	1914—1918	7 734	57 616

Рассчитано по: *Levy* 1983; *Goldstein* 1988.

В целом датировки циклов военной активности совпадают с датировками 50—60-летних экономических циклов. В частности, как показывают наши оценки, приведенные в табл. П.4.2 и 4.2, с середины XVI до середины XX в. увеличение военной активности приходилось на периоды подъема цен и пики военной активности опережали пики в динамике цен на 5—6 лет. Это означает, что войны, если и не выступали в качестве генератора роста цен, то в любом случае вносили существенный вклад в их повышение на конечной стадии длинного цикла.

Несколько сложнее интерпретировать связь войн с динамикой производства. В рамках «аграрного» длинного цикла связь производства с войнами видится следующим образом. Сокращение сельскохозяйственного производства, увеличение аграрного перенаселения и

повышение угрозы голода бесспорно способствовали возникновению войн. Во многих случаях в них виделся способ решения внутриэкономических проблем и ослабления социальной напряженности, обусловленных нехваткой продовольствия и/или ростом цен на продукты питания.

В XIX — первой половине XX в. возник, по нашему мнению, иной механизм взаимосвязи войн и экономики, действующий в рамках «промышленного» длинного цикла. Колебания военной активности стали коррелировать с динамикой промышленного производства: максимальным уровням военной активности в целом соответствуют максимумы объемов выпуска промышленной продукции (ср. табл. П.4.2 и 4.2). Это, впрочем, неудивительно — ведение войн в XIX—XX вв. требовало прежде всего значительного промышленного, точнее, военно-промышленного потенциала.

Переходя к исследованиям, посвященным **50—60-летним** циклам в социальной и культурной сфере, прежде всего можно выделить работы, доказывающие наличие цикличности в динамике пролетарских движений в западном обществе. Исследователи этой проблематики в большей или меньшей степени придерживаются марксистской ориентации, что определяет интерес к поискам корреляции классовых конфликтов с длинными экономическими **циклами**³⁸.

Надо сказать, что до настоящего времени существуют значительные разногласия даже по поводу внешнего вида связи между длинными экономическими циклами и интенсивностью рабочего движения. Большинство исследователей доказывало, что корреляция между этими двумя процессами **положительная**³⁹. Так, по мнению И. Уоллерстайна, периоды обострения **классовой** борьбы соответствуют датировке верхних поворотных точек длинных циклов, т. е. моментам перехода от повышательной к понижательной динамике. Эти периоды, продолжающиеся **5—10** лет, характеризуются присутствием противоречивых тенденций в экономических показа-

³⁸ Гипотезу о существовании подобной корреляции первыми начали разрабатывать историки, примыкающие к школе «новой социальной истории» — Ж. Бувье и Э. Хобсбоум (*Bouvier* 1964; *Hobsbawm* 1964). Среди экономистов лидерство в изучении этой темы принадлежит, видимо, П. Боккара, Э. Манделю и Г. Фелпс Брауну (*Boccara* 1973; *Mandel* 1975 [1973]; 1980; *Phelps Brown* 1975). См. также: *Amin* 1975; *Cronin* 1979, 1980; *Barr* 1980; *Fontvieille* 1979; *Gordon* 1980; *Gordon et al.* 1982.

³⁹ *Кондратьев* 1989 [1928]; *Hobsbawm* 1964; *Perrot* 1974; *Hopkins, Wallerstein et al.* 1979, 1986; *Cronin* 1979, 1980; *Scrapanti* 1984, 1987.

телях и одновременно нарушением нормального функционирования социальной системы. Для таких периодов возглавляемые **Уоллерстайном** исследователи из Центра им. **Ф. Броделя** университета штата Нью-Йорк ввели понятие «фаза **T**», основной характеристикой которой является отсутствие четко выраженных тенденций роста или падения экономических **переменных**⁴⁰. В «фазе **T**», по их мнению, концентрируются основные социальные и политические конфликты (между классами в каждой стране и зонами мира-системы).

Вместе с тем, некоторые авторы обнаруживают отрицательную корреляцию, показывая, что классовая борьба достигает наибольшей остроты в нижней точке длинного цикла (*Imbert* 1959). Наконец, существует и третья позиция, согласно которой активизация рабочего движения наблюдается как в высшей, так и в низшей точках длинного цикла (*Gattei* 1989).

Существенные разногласия имеются и по поводу механизма взаимосвязи между длинными циклами и рабочим движением. По сути здесь в качестве конкурирующих фигурируют две основные гипотезы: одну из них отстаивают Э. Скрепанти и Э. Мандель, другую — И. Уоллерстайн и его сотрудники. И те и другие признают зависимость интенсивности пролетарских движений от состояния экономики, но Скрепанти и Мандель идут дальше, рассматривая и обратную зависимость — экономического цикла от всплесков движений протеста, и считают последние одним из факторов, генерирующих длинные циклы в экономике.

Так, по **мнению** Скрепанти, антисистемная природа подъемов рабочего движения оказывает долгосрочный «устрашающий эффект» на предпринимателей, разрушает в них чувство уверенности в политической стабильности, ведет к недоинвестированию капитала и, как следствие, к долговременному падению экономической активности (*Scrapanti* 1984, p. 521—527).

Примерно такую же (или даже более крайнюю) позицию занимает известный сторонник идей Троцкого бельгийский экономист Э. Мандель. Он считает, в частности, что именно классовая борьба является причиной переломов тенденции нормы прибыли к понижению и переходов от понижательной к повышательной фазе **длинно-**

⁴⁰ Заметим, что датировка этих фаз не вполне определена: так, в одной работе они датируются **1920—1929** и **1967—...** годами (*Hopkins, Wallerstein et al.* 1979, p. 496), в другой — **1870—1875, 1914—1920** и **1967—1975** гг. (*Silver* 1989, p. 9).

го цикла (*Mandel* 1980). Правда, это подразумевает, что пики рабочего движения приходятся не на высшие, а на низшие точки длинного цикла в экономике, **что** противоречит датировкам самого **Манделя**.

Концепция исследовательской группы из Центра им. Ф. Броделя сводится к следующим тезисам.

Во-первых, в отличие от Скрепанти и Манделя, они не считают рабочее движение генератором длинных циклов в экономике, а, наоборот, видят в нем форму социальной реакции на экономический процесс. Во-вторых, анализ циклической динамики классово-борьбы привел их к выводу, что эти процессы лишь на поверхностный взгляд имеют повышательную и понижательную направленность. На самом деле за видимыми подъемами и спадами скрывается смена форм политической и экономической борьбы пролетариата.

По их мнению, **«пики»** рабочего движения (приходящиеся на высшую точку длинного **экономического** цикла) соответствуют таким моментам, когда рабочий класс неспособен к эффективной экономической борьбе и поэтому действует политическими **методами**. В периоды ослабления **действий политического** протеста (на понижательной фазе длинного цикла) происходит не спад рабочего движения, а переход к активному использованию экономического механизма: коллективно-договорной системы, стачек, возможностей пассивного сопротивления в процессе труда. Внедрение новой системы организации труда, характерное для понижательной фазы каждого длинного цикла, заставляет рабочих отказываться от освоенных рычагов экономического давления на предпринимателей и вести поиск новых. Поскольку процесс этот длителен и требует создания новых организационных форм, он компенсируется усилением политической активности (*Hopkins, Wallerstein et al.* 1986).

При изучении долговременной динамики рабочего движения остро встает вопрос о степени объективности ее оценок. Конструируя историческую картину развития классовых конфликтов, многие исследователи вольно или невольно подгоняют ее под ту или иную хронологию длинных экономических циклов. Попытки выстроить убедительную картину развития классово-борьбы осложняются тем, что интенсивность социального конфликта весьма трудно оценить количественно. Достоверные и сравнительно регулярные данные есть только по забастовочной борьбе и по численности рабочих организаций (да и то только с конца XIX в.). Хотя в последние десятилетия компьютерная обработка больших массивов исторических данных

позволила ввести в научный оборот новые источники, в том числе полицейские архивы, судебные протоколы и т. д. (*Shorter, Tilly* 1974), свидетельства о других формах протеста (бунтах, мятежах, митингах, столкновениях с войсками) отрывочны и несопоставимы друг с другом. Поэтому несмотря на обилие работ, в которых постулируется циклический характер пролетарских движений и их связь с длинными экономическими **циклами**, лишь в немногих из них приводятся доказательства этого тезиса.

Сюда можно отнести попытки выделения на основе контент-анализа периодов обострения классово-борьбы, которыми отмечено рабочее движение. Таких подъемов в истории буржуазного общества исследователи насчитывают по меньшей мере четыре: **1810—1820, 1866—1877, 1911—1922, 1967—1973** гг. Ареной первого обострения классово-борьбы стала Англия, единственная промышленная страна того времени, остальные, по их мнению, были всеобщими и охватывали весь капиталистический мир (*Scrapanti* 1984; *Hopkins, Wallerstein et al.* 1979).

Другая попытка обосновать выделение пиков рабочего движения на основе контент-анализа была предпринята Б. Силвер (*Silver* 1989). В качестве основы для построения показателя интенсивности классовых конфликтов она выбрала данные о публикациях в двух старейших и авторитетнейших газетах западного мира — «Нью-Йорк Тайме» и лондонской **«Таймс»**. Используя имеющиеся справочники, содержащие сведения о количестве и размерах публикаций в указанных газетах по соответствующим темам, Силвер сконструировала несколько индексов интенсивности классовых конфликтов на глобальном уровне.

Судя по оценкам Б. Силвер, всплески рабочего движения наблюдались в **1870—1875, 1914—1920** и **1967—1975** гг., т. е. примерно в те же периоды, которые выделяют Э. Скрепанти и И. Уоллерстайн. К сожалению, ее источники характеризуют сравнительно небольшой исторический период — с конца XIX в. Вызывает некоторые сомнения и степень «независимости» оценок (Б. Силвер была сотрудницей Центра им. Ф. Броделя, возглавляемого И. Уоллерстайном).

Помимо контент-анализа, для проверки гипотезы о циклическости пролетарских движений иногда привлекаются данные о стачках. Нам известно несколько работ, в которых предпринята попытка выделить длинные волны в забастовочном движении (*Cronin* 1980; *Scrapanti* 1987; *Gattei* 1989). По оценкам Кронина и Скрепанти, стачечная ак-

тивность достигала максимумов в верхних точках длинного экономического цикла, по мнению Гаттеи — и в верхней, и в нижней точках 50-летнего **экономического** цикла. Согласно нашим расчетам (см.: *Полетаев, Савельева* 1993, с. 119), 50-летние волны в забастовочном движении можно датировать следующим **образом**⁴¹:

США	Max	1909/11	1949/51	
	Min	1887/92	1929/30	1970/71
Великобритания	Max	1912/20	1957/66	
	Min	1897/99	1933/42	1980/81

Как видно из наших оценок, длинные волны в забастовочном движении не слишком хорошо согласуются с датировкой длинных циклов в экономике (ср. табл. П.4.2). Кроме того, имеются довольно существенные различия в хронологии забастовочной активности в разных странах, превышающие страновые различия в датировках 50-летних экономических циклов. Думается, что говорить о «мировых» подъемах забастовочного движения, особенно после второй мировой войны, равно как и о связи этого показателя с экономическими циклами, можно лишь с большой натяжкой.

Наряду с проблемой динамики пролетарского сознания и пролетарских движений внимание многих исследователей привлекает тема цикличности так называемого «альтернативного» сознания и «альтернативных», т. е. феминистских, пацифистских, природоохранных, коммуитарных, контркультурных и т. п. движений. Кроме того, одним из показателей распространенности «альтернативных» идей в обществе может считаться утопическое сознание, по типу достаточно тесно примыкающее к идеологиям перечисленных движений (подробнее см.: *Савельева* 1990).

В трактовке проблемы цикличности альтернативных движений опять-таки имеются две противоположные позиции. Первая состоит в том, что сознание, в данном случае альтернативное или утопическое, определяется бытием, т. е. что цикличность этого типа массово-

⁴¹ Разброс в оценках связан с тем, что разные показатели забастовочной активности (например, число забастовок и число бастующих) имеют разную датировку поворотных точек.

го сознания связана с экономическими циклами 50-летней продолжительности. Представители другой точки зрения, доказывая циклический характер степени интенсивности утопического сознания и альтернативных движений, считают их самостоятельным феноменом, не связанным с экономикой.

В свою очередь среди исследователей, доказывающих зависимость циклов альтернативного движения от состояния экономики, существует большой разброс мнений по поводу формы проявления этой зависимости. Большинство полагает, что альтернативные настроения сильнее проявляются на понижательной фазе цикла Кондратьева⁴². Однако Й. Хубер (*Huber* 1985) считает, что альтернативные движения набирают силу на подъеме длинного цикла, захватывая все более широкие социальные слои по мере его развития, а с наступлением фазы кризиса сила этих социальных движений ослабевает. С вступлением экономики в новый цикл, они если вообще не исчерпывают себя, то уходят на периферию политической жизни, чтобы возродиться десятилетия спустя.

Другие исследователи не обнаруживают корреляции ритма альтернативных социальных движений с экономическим длинным циклом. Так, С. Тарроу утверждает, что «циклы движений протеста и их воздействие на перемены... ни в коем случае не совпадают с экономическими циклами, движения протеста концентрируются в определенные периоды и ассоциируются со значительными политическими инновациями, происходящими в это время» (*Tarrow* 1983, р. 13). Точно так же К.-В. Бранд, хотя и полагает, что альтернативные движения развиваются циклично, но, сравнив их с волнами Кондратьева, приходит к заключению, что циклы социальных движений совпадают не с долгосрочными экономическими циклами, а с «возобновляющимися волнами критических для современной цивилизации тенденций» (*Brand* 1987, р. 5).

Замечено, что некоторые поколения в истории особенно чувствительны к утопическому мышлению и нередко увлекаются одной утопической системой за другой, последовательно участвуя в соответствующих движениях. Например, современники буржуазной революции в Англии, переходя из секты в секту, оказались вовлеченными в социальные утопии, связанные с рядом самостоятельных

⁴² *Frank, Fuentes* 1987, 1990; *Fuentes, Frank* 1989; *Friberg* 1987, *Goldstone* 1980; *Barkun* 1984.

социальных доктрин. Точно так же и французы поколения 1789 г., «достигнув зрелости в период Реставрации, проделали путь от сен-симонизма к фурьеризму и коммунизму» (*Manuel, Manuel* 1979, p. 25).

Э. Баталов пишет о «**пульсации**» утопического сознания, которое на какое-то время угасает, чтобы потом начать биться снова. «Угасание проявляется не столько в уменьшении числа публикуемых утопий, сколько в падении их влияния на общественное сознание, сужении сферы распространения и воздействия утопического сознания» (*Баталов* 1982, с. 25). Впрочем, другие авторы полагают, что и чисто количественные показатели — например, число публикуемых утопических произведений — демонстрируют явно выраженные циклические характеристики (*Drass, Kiser* 1988).

В качестве показателя интенсивности распространения альтернативного сознания в обществе используется два основных критерия: во-первых, степень популярности утопий в обществе, во-вторых, степень активности и распространения альтернативных партий и движений, в частности коммунитарного движения. Так, специалисты по утопиям периода капитализма выделяют по крайней мере четыре своеобразных утопических «бума», когда одновременно резко увеличивается число политических и литературных утопий, появляются утопические «бестселлеры», набирают силу основанные на этих идеях социальные движения и социальные эксперименты. Это — 20—30-е и 70—80-е годы XIX и XX вв.⁴³

Многие исследователи отмечают также факт «скоплений» или «всплесков» альтернативных движений. Большинство авторов сходятся и в том, что разные виды таких движений переживали подъемы на одних и тех же исторических отрезках. Однако датировка этих периодов существенно отличается в разных работах:

<i>Barkun</i> 1984	1842—1848	1894—1900	1930-е годы	1970-е годы
<i>Huber</i> 1985	нач. XIX в. (до 1815)	1850—1867/73	1890—1910	1948/52—1967/73
<i>Brand</i> 1987	1815—1848	1896—1913	1920—1930	1967—1974
<i>Friberg</i> 1987	1815—1848	1873—1896	1914—1945	II пол. 1970-х — I пол. 1980-х
<i>Frank, Fuentes</i> 1990		1830-е — 1840-е годы	1890-е — 1910-е годы	1960-е — 1970-е годы

⁴³ См.: *Armeytage* 1961; *Kanter* 1972; *Fogarty* 1980; *Drass, Kiser* 1988.

В целом следует признать, что надежность оценок такого типа невелика. Все они опираются на отрывочные, слабо систематизированные данные по феминистским, пацифистским, природоохранным, коммунитарным, контркультурным движениям в отдельных странах Западной Европы и в США. Отметим и еще одно обстоятельство: все исследователи, пытавшиеся датировать подъемы альтернативных движений в XIX—XX вв., знакомы с концепцией циклов Кондратьева. Поэтому нельзя исключить возможность сознательной или бессознательной подгонки имеющихся фактов под схему длинного цикла. Это не противоречит существенным расхождениям в датировках: во-первых, все авторы используют разные датировки самих длинных экономических циклов, во-вторых, у них имеются разные представления о том, на какой фазе длинного цикла происходило оживление альтернативных движений.

Анализ 50—60-летних циклов в общественном сознании отнюдь не ограничивается историей войн и социальных движений. Так, еще В. Парето (*Pareto* 1926 [1902]) рассматривал длинные циклы жизни общества, обусловленные чередованием двух типов элит. В политической сфере эти типы характеризуются Парето как «лисицы» и «львы». Первым присущ, по его мнению, «инстинкт комбинаций» (использование убеждений и обмана, одурачивания масс); вторым — «инстинкт постоянства агрегатов» (агрессивность, авторитарность, напористость, склонность к применению насилия). В области хозяйственной и финансовой деятельности «лисицам» и «львам» соответствуют «спекулянты» и «рантье». Преобладание в обществе «рантье» свидетельствует об экономической стабилизации, переходящей затем в загнивание. Преобладание «спекулянтов» предопределяет динамическое изменение и развитие хозяйственной жизни общества. В свою очередь эти политические и экономические циклы в концепции социального равновесия Парето связаны с циклами «духовного производства» — интеллектуального, религиозного, художественного и т. д. (подробнее см.: *Плотинский* 1992; *Осинова* 1993).

Целый ряд исследований посвящен 50—60-летним циклам общественного сознания в сфере внешней политики⁴⁴. Так, Ф. Клинберг, основываясь на контент-анализе различных внешнеполитических документов (договоров, соглашений, дипломатических посланий

⁴⁴ *Klingberg* 1952, 1970, 1979, 1983; *Holmes* 1985; *Elder, Holmes* 1985.

и т. д.), а также решений Конгресса и Президента США, считает, что во внешней политике США, начиная с 1776 г., проявлялось чередование 20—30-летних периодов «экстравертной» и «интравертной» политики, которые он датирует следующим образом (Klingberg 1952, p. 250; 1970, p. 508):

Интравертная политика	1776—1798	1824—1844	1871—1891	1919—1940	1966/67—...
Экстравертная политика	1798—1824	1844—1871	1891—1918/19	1940—1966/67	

Для экстравертной фазы, по его мнению, характерна готовность использовать прямое дипломатическое, военное или экономическое давление на другие нации для достижения американских целей; для интравертной фазы типично сосредоточение на внутренних проблемах американского общества. Как считает Клинберг, почти все войны, которые вели Соединенные Штаты, приходились на экстравертные фазы внешнеполитического цикла (Klingberg 1979, p. 40). Кроме того, во время экстравертной фазы в отношениях между Президентом и Конгрессом доминирует Президент, а во время интравертной фазы — Конгресс.

В работах Дж. Наменвирта и его ученика Р. Уэбера (Namenwirth 1973; Weber 1981; Namenwirth, Weber 1987) выделяются 50-летние циклы изменения ценностных ориентации в обществе. Каждый такой цикл состоит, по их мнению, из четырех фаз: «местнической» (parochial), «прогрессивной», «космополитической» и «консервативной». В местнической фазе достигает максимума озабоченность экономическими проблемами; в прогрессивной — (внутри)политической борьбой; в космополитической — международными делами, задачами долгосрочного планирования, проблемами развития техники, образования и т. д.; в консервативной фазе доминирует стремление к авторитарной реставрации прошлых структур и ценностей. Эту схему Наменвирт и Уэбер связывают также с длинными экономическими циклами — по их мнению, периодам максимумов экономической активности соответствуют космополитические настроения в обществе, минимумы экономических циклов совпадают с господством «местнических» настроений.

Датировку циклов общественного сознания Наменвирт и Уэбер проводили на основе контент-анализа текстов партийных программ в США и королевских тронных речей в Англии и получили следующие результаты:

США (Namenwirth 1973)	1812 1788	1860 1836	1908 1884	1956 1932
Великобритания (Weber 1981)	1816 1790	1868 1842	1920 1894	1972 1946

Примечание: в нижнем ряду даются годы максимумов «местнических» настроений, в верхнем ряду — годы максимумов «космополитических» настроений.

В работе немецкого социолога В. Бюля (Buhl 1987) рассматриваются циклы в развитии культуры, понимаемой как социально-обусловленная система постижения мира и образцов поведения. Бюль непосредственно связывает свои циклы с экономическими длинными волнами. Первая фаза — оживление в экономике — характеризуется экспансией «Я», стремлением к самореализации и эмансипации. Для второй фазы — подъема (высокой конъюнктуры) — типичен рост критических настроений в обществе. На фазе спада начинает развиваться стремление к активному терроризму и одновременно пассивному нарциссизму. В фазе депрессии доминирует стремление к покою и безопасности (см.: Плотинский 1992, с. 71).

Ряд исследований, посвященных 50—60-летним циклам общественного сознания, был выполнен российскими учеными — С. Масловым, В. Петровым и др., — уделявшими основное внимание связи периодичности изменений в социокультурной сфере со сменой типов сознания⁴⁵. Условно говоря, общественное сознание, по их мнению, так же как и сознание отдельного индивида, может быть преимущественно «левополушарным» и «правополушарным», отражающим асимметрию человеческого мозга. Для «левополушарного» сознания типичны так называемые аналитические процессы мышления, связанные с расчленением воспринимаемого объекта, выделением в нем

⁴⁵ Маслов 1983; 1986; Петров 1986; 1989; Данилова, Петров 1988; см. также: Плотинский 1992, с. 72-78.

отдельных признаков (к процессам такого рода относится речевая деятельность человека, рефлексия и т. д.). Для «**правополушарного**» сознания характерны так называемые синтетические процессы мышления, т. е. целостное восприятие объектов, опора на чувства и интуицию.

Предполагается, что в обществе чередуются периоды преимущественно «аналитического» и «синтетического» сознания. Это проявляется, по мнению указанных авторов, в социально-политической жизни и в искусстве (музыке, архитектуре, живописи). Так, в социально-политической сфере для периодов доминирования аналитического начала характерны открытость общества для внешних контактов, преобладание договорных начал, высокий престиж знаний, а для «синтетических» периодов — замкнутость по отношению к окружающему миру, доминирование авторитарного стиля, низкий престиж знаний (Мослов 1983).

В работе Дж. Лангриша (*Langrish* 1982) рассматривались циклы в социальных ценностях на основе контент-анализа рекламных объявлений в «*Journal of Decorative Art*» за 1924—1981 гг. Лангриш классифицировал эти объявления по трем группам: устремленные в будущее, ориентированные на прошлое и нейтральные по отношению к **времени**. Устремленность в будущее соответствует периодам социального и технологического оптимизма, веры в науку, которые совпадают с подъемом длинного экономического цикла. Ориентация на прошлое коррелирует с периодами социального пессимизма, господством антипрогрессистских и антинаучных настроений, которые усиливаются на спаде длинного экономического цикла.

В работе А. Хиршмана (*Hirschman* 1982) рассматриваются циклы общественного сознания, связанные с чередованием «частных интересов» и «общественной активности». Как отмечает А. Шлезингер-мл., «Хиршман утверждает, что со времени промышленной революции западное общество поочередно устремляет свою заинтересованность то к одной, то к другой из двух расходящихся целей — индивидуальному и общественному счастью. Согласно циклу Хиршмана, общество движется туда-сюда между периодами поглощенности делами частных лиц и периодами занятости общественными проблемами» (*Шлезингер* 1992 [1986], с. 44).

Примеры подобного рода можно продолжать и дальше, но мы полагаем, что читатель уже получил общее представление о моделях **50—60-летних** циклов в историческом развитии общества и его **от-**

дельных подсистем. Существенно подчеркнуть, что несмотря на многообразие предлагаемых подходов, все исследователи «неэкономических» циклов (военных, политических, социальных, общественного сознания) так или иначе связывают их с длинными экономическими циклами — в качестве ли следствия или причины последних. В любом случае датировка «неэкономических» циклов как правило учитывает датировку **экономических**, даже если авторы соответствующих работ не признаются в этом открыто.

Наиболее наглядным примером такой «скрытой» датировки является упоминавшаяся работа А. Шлезингера-мл., который формально вообще рассматривает не **пятидесяти-**, а тридцатилетние циклы. Шлезингер датирует свои циклы «**консерватизма—либерализма**» следующим образом (*Шлезингер* 1992 [1986], с. 42—43):

Консерватизм	1812—1829	1841—1861	1869—1901	1919—1931	1947—1962
Либерализм	1829—1841	1861—1869	1901—1919	1931—1947	1962—1978/80

Легко заметить, что если объединить два первых и два последних цикла Шлезингера, то их датировка совпадет с распространенной датировкой пиков экономических циклов Кондратьева: **1812—1869, 1869—1919, 1919—1980**. И хотя сам Шлезингер вообще не упоминает о своем знакомстве с работами Кондратьева, совпадение слишком очевидно, чтобы не вызывать сомнений в независимости этих двух концепций.

3. Сто и больше

Широкое распространение в исторических исследованиях получили и циклы продолжительностью **110—120** лет — двойные циклы Кондратьева или циклы четырех поколений. В отличие от **50—60-летних** кондратьевских циклов, которые используются в первую очередь в работах по экономической и социальной истории, циклы с периодом **110—120** лет особенно популярны среди специалистов по политической истории.

Как отмечалось в § 1, циклы из четырех поколений первым использовал арабский мыслитель XIV в. Ибн Хальдун. При описании истории различных государств он выделял в каждой правящей Династии основателя, продолжателя (сына), имитатора (внука) и разру-

шителя (правнука; *Ибн Хальдун*. Введение). На уровне же социальных поколений эту концепцию первым детально развил итальянский историк Дж. Феррари (*Ferrari* 1874).

Согласно схеме Феррари, **110—120-летний** цикл состоит из четырех последовательно сменяющихся поколений:

— первое поколение («**предшественники**») внимательно изучает и критикует существующий политический и социальный строй;

— второе поколение («**революционеры**») пытается внедрить в практику результаты академического критицизма «предшественников» путем радикальной и преимущественно насильственной модификации социальных и политических институтов;

— третье поколение («**реакционеры**») старается нейтрализовать разрушительные действия революционеров, но при этом вызывает столь же сильные крайности и разрушения в обществе;

— четвертое поколение («**завершатели**») относительно легко и успешно решает проблемы своего времени и устанавливает новый стабильный порядок.

Типичным примером такого цикла, по мнению Феррари, стало установление христианства, длившееся 115 лет (от Диоклетиана до Феодосия). Но наиболее последовательно эта схема была разработана им применительно к истории Франции (см. табл. 4.3), и здесь со всей очевидностью проявляется ее антиисторичность и **надуманность**⁴⁶.

Особенно широкое распространение схемы **110—120-летних** исторических циклов получили после второй мировой войны. Как правило эти работы ограничиваются только анализом истории Нового времени, т. е. строят циклические схемы не ранее, чем с конца XV в. Изменилась и концепция этих циклов — в подавляющем **большин-**

⁴⁶ Во Франции к поколению «**предшественников**», по мнению Феррари, относились трубадуры (ок. 1135 г.), миннезингеры и схоласты (ок. 1271 г.), плебеи (ок. 1378 г.), кальвинисты (ок. 1514 г.), картезианцы (ок. 1620 г.), энциклопедисты (ок. 1750 г.). За ними следовали «революционеры» времен Филиппа Красивого (ок. 1285 г.), Бургундского кризиса (1411 г.), религиозных войн (1547 г.), Фронды (1648 г.), Великой революции (1789 г.). К числу «реакционеров» относились поколения **1337—1360** гг., **1453—1498** гг., **1576—1589** гг., **1685—1716** гг., **1814—1848** гг. Наконец, «завершателями» были поколения времен Людовика XII (**1498—1515**), Генриха IV Французского (**1589—1610**), периода регентства (с 1716 г.) и Луи Наполеона Бонапарта (с 1851 г.). К сожалению, оригинал работ Феррари нам был недоступен, и мы вынуждены ориентироваться на ее краткое изложение в: *Sorokin* 1937-1941, v. 4, p. 524—525.

стве современных исследований они связываются со сменой стран-гегемонов в мировом сообществе⁴⁷.

Таблица 4.3.

Хронология 120-летних циклов по Дж. Феррари

«Предшественники»	«Революционеры»	«Реакционеры»	«Завершатели»
1135—????	????—????	????—????	????—1271
1271—1285	1285—1337	1337—1360	1360—1378
1378—1411	1411—1453	1453—1498	1498—1514
1514—1547	1547—1576	1576—1589	1589—1620
1620—1648	1648—1685	1685—1716	1716—1750
1750—1789	1789—1814	1814—1848	1848—1870
1870—????			

Источник: *Ferrari* 1874; цит. по: *Sorokin* 1937—1941, v. 4, p. 524—525

Как и в большинстве других циклических схем исторического развития, общепринятой датировки **110—120-летних** «циклов гегемонии» не существует, и каждый автор предлагает свой вариант периодизации. В табл. 4.4 представлены основные из них. Различия в датировках обусловлены двумя факторами: во-первых, разногласиями в установлении периода доминирования или гегемонии той или иной страны, **во-вторых**, различиями в определении «генеральных» войн.

Прежде всего, по-разному трактуется само понятие «гегемонии» — речь может идти о политическом или экономическом (реже — культурном) господстве. Так, М. Уайт, Дж. Модельски и П. Кеннеди больше внимания уделяют политическим аспектам, И. Уоллестайн и А. Мэддисон — экономическим, У. Томпсон и Дж. Голдстейн пытаются учитывать обе характеристики.

К этому добавляются трудности объективной оценки или изменения степени господства той или иной страны, различные подходы к определению «мира», в котором эта страна доминирует, и т. д. В

⁴⁷ См., например: *Dehio* 1962 [1948]; *Toynbee* 1934-1961, v. 9 [1954], *Organski* 1958; *Farrar* 1977; *Wight* 1978; *Modelski* 1978; 1979; 1981; 1988; *Hopkins, Wallerstein et al.* 1979; *Maddison* 1982; *Wallerstein* 1983; 1984; *Kennedy* 1987; *Goldstein* 1988; *Kegley, Raymond* 1989; *Thompson* 1989.

Хронология «циклов гегемонии»

А. Тойнби (Toynbee 1954)	Дж. Модельски (Modelski 1978)	Т. Хопкинз и др. (Hopkins et al. 1979)	А. Мэддисон (Madison 1982)	И. Уоллерстайн (Wallerstein 1983)
—	Португалия	Империя Габсбургов	—	—
1494—1568 (1494—1523)	1494—1579 (1494—1517)	1450—1575 (?)	—	—
—	Нидерланды	Нидерланды 1	—	Нидерланды 1
1568—1672 (1568—1609)	1579—1688 (1579—1609)	1575—1672 (1575—1590)	—	1618—1672 (1618—1648)
—	Великобритания 1	Нидерланды 2	Нидерланды	Нидерланды 2
1672—1792 (1672—1713)	1688—1792 (1688—1713)	1672—1798 (1672—1700)	1700—1785	1672—1792 (?)
—	Великобритания 2	Великобритания	Великобритания	Великобритания
1792—1914 (1792—1816)	1792—1914 (1792—1816)	1798—1897 (1798—1815)	1785—1890	1792—1914 (1792—1815)
—	США	США	США	США
1914—..... (1914—1918)	1914—..... (1914—1945)	1897—..... (1897—1920)	1890—.....	1914—..... (1914—1945)

Примечание: в скобках указаны даты «генеральных» войн.

результате, например, Дж. Модельски считает, что в XVI в. гегемом была Португалия, а И. Уоллерстайн называет Испанию (империю Габсбургов); Модельски полагает, что в XVIII в. гегемом уже была Англия, а Уоллерстайн — что им продолжали оставаться, так же как и в XVII в., Нидерланды.

Не меньшие расхождения существуют и по поводу определения «главных» войн, и они связаны, в частности, с «сухопутными» или «морскими» предпочтениями отдельных авторов. Так, А. Тойнби, Дж. Модельски и другие отдают предпочтение войнам на море, таким как Итальянские войны в конце XV — начале XVI в. и война с Испанской армадой в конце XVI — начале XVII в., а И. Уоллерстайн, Дж. Голдстайн и другие выделяют в качестве генеральных войны на суше, и прежде всего Тридцатилетнюю войну 1618—1648 гг.

В рамках концепции 110—120-летних циклов гегемонии многие авторы разрабатывают более детальную периодизацию их отдельных фаз, но здесь единства в определениях и подходах еще меньше, чем при датировке самих циклов гегемонии и разделяющих их «генеральных» войн. В качестве одного из примеров можно указать деление на фазы в схеме Ч. Кегли-мл. и Дж. Рэймонда (Kegley, Raymond 1989):

Фаза цикла \ Гегемон	Великобритания	США
Глобальная война	1801(?)—1815	1914—1946
Мировая держава	1815—1848	1946—1973
Делегитимизация	1848—1873	1973—1980
Деконцентрация	1873—1913	1980—...

Наконец, упомянем о сравнительно небольшой группе работ, авторы которых пытаются анализировать «сверхдлинные» циклы протяженностью 150 и более лет. Например, Ф. Клинберг (Klinberg 1970) рассматривал «цикл фрейдистских настроений»:

Фазы цикла	Настроения	Цикл 1	Цикл 2
Просвещение	Разум	1730—1776	1871—1917/19
Борьба	Власть	1776—1824	1917/19—1966/67
Консолидация	Вера (любовь)	1824—1871	1966/67— ?

Гораздо более обоснованную концепцию предлагает Р. Камерон (Cameron 1973; 1976; 1989), который выделяет в европейской истории несколько больших циклов («логистик») длительностью от 150 до 350 лет, связанных прежде всего с динамикой численности населения. По его мнению, «протологистиками» такого типа описывается, например, история Греции между IX и V вв. до н. э. и Средиземноморского бассейна во времена Рах гомана (50 г. до н. э. — 200 г. н. э.). Первая «нормальная логистика» демографического и экономического роста, по Камерону, началась в IX или X в., достигла максимального ускорения в XII в., замедлилась в XIII в. и резко оборвалась в 1348 г. из-за Великой чумы, в результате которой население Европы уменьшилось более чем на треть. После столетия относительной стагнации начался новый рост населения (примерно в середине XV в.), который достиг максимальных темпов в XVI в., а в XVII в. стал нулевым или даже отрицательным. В середине XVIII в. снова начинается процесс демографического роста, который был прерван войнами XX в. Наконец, после второй мировой войны возникла новая «логистика».

В периоды ускорения демографического роста, как считает Камерон, происходило повышение совокупных доходов, а может быть и подушевого дохода. В периоды замедления и стабилизации темпов увеличения населения его положение резко ухудшалось — в первой половине XIV, XVII вв. Некоторые признаки такого ухудшения наблюдались и во второй половине XIX — начале XX в. Конечные периоды всех логистик и фазы последующей депрессии и стагнации оказывались временем социальной напряженности, гражданского неповиновения и наиболее сильных и разрушительных войн. Это же наблюдалось и в первых двух «протологистиках»: Пелопонесские войны привели к кризису полиса, а упадок Рима — к кризису античной цивилизации. Наконец, фазы акселерации сопровождались подъемом интеллектуальной и творческой активности, за которым следовал период расцвета архитектуры (средневековые соборы, барочные дворцы, нео- и псевдоготика XIX в.). Вместе с тем, начало Ренессанса и столетие Галилея, Декарта, Ньютона, Лейбница и Локка пришлись на времена депрессий. Камерон утверждает, что именно в эти периоды возникают «эпохальные нововведения» (по С. Кузнецу), которые дают толчок последующему ускорению роста.

Волны или «логистики» роста численности населения в Европе сопровождались, как считает Камерон, географической экспансией.

В XI—XIII вв. европейская цивилизация разрослась от ядра, находившегося в бассейнах Луары и Рейна, до Британских островов, Иберийского полуострова, Сицилии и южной Италии и дальше в Центральную и Восточную Европу, а в эпоху крестовых походов, пусть и временно, — до Палестины и Восточного Средиземноморья. В конце XV и в XVI в. европейцы проникли в Африку, Индийский океан и Западное полушарие. Наконец, в XIX в., благодаря эмиграции, завоеваниям и аннексиям, Европа установила политическую и экономическую гегемонию во всем мире.

Сходная схема была предложена Ф. Броделем. Наряду с 50-летними кондратьевскими циклами он рассматривал и более длительные периодические колебания, которые именовал «вековыми трендами» (trend séculaire). Эти волны датируются им следующим образом (Бродель 1986—1992 [1979], т. 3, с. 73):

Max	1850	1650	1810/17	1973/74
Min	ок. 1250	1507/10	1733/43	1896

Каждый вековой тренд Бродель связывал с расцветом и упадком европейских миров-экономик и перемещением центра этих миров. Центром первого векового тренда была Италия (Венеция, Генуя и другие торговые города), центром второго — сначала Испания и Португалия (Лиссабон), затем Голландия (Антверпен и Амстердам); центром третьего векового тренда была Англия (Лондон). Тем самым схема Броделя близка рассмотренной выше концепции циклов гегемонии.

В описании отдельных фаз вековых трендов у Броделя царит полный сумбур: «Если видишь перед собой вековые **подъемы**, то определенно понимаешь, что экономика и социальный порядок, культура, государство тогда явно процветают», «но в конечном счете... вековые спады способствовали культурным взрывам или тому, что мы рассматриваем как культурные взрывы. После 1600 г. — цветение итальянской осени в Венеции, Болонье, Риме. После 1815 г. — романтизм, воспламенивший старую **Европу**». Определение фазы подъема еще больше размывается утверждением, что в эти периоды «**наблюдалось** снижение реальной заработной платы. Прогресс в верхних сферах и увеличение экономического потенциала оплачивались,

таким образом, страданием массы людей» (Бродель 1986—1992 [1979], т. 3, с. 81, 82, 83).

Путаница с содержательным определением фаз «векового тренда» наглядно отражает условность циклических схем исторического развития, особенно когда речь идет о сверхдлинных циклах, охватывающих несколько столетий. Эту условность хорошо иллюстрируют известные ряды долгосрочной динамики цен и заработной платы в Южной Англии, построенные Э. Фелпс Брауном и Ш. Хопкинз (Phelps Brown, Hopkins 1955; 1956) и часто используемые при анализе долгосрочных тенденций экономического развития (в частности, именно на них опирался Ф. Бродель при построении своей схемы). Ряды Фелпс Брауна и Хопкинз, которые мы воспроизводим на рис. 4.3, во-первых, демонстрируют достаточно сложную зависимость между изменениями цен и реальной заработной платы (они могут меняться как синхронно, так и в **противофазе**). Во-вторых, данная картинка напоминает известные тесты Роршаха, используемые психиатрами: при желании здесь можно усмотреть (или выделить с помощью математических методов) циклы любой продолжительности.

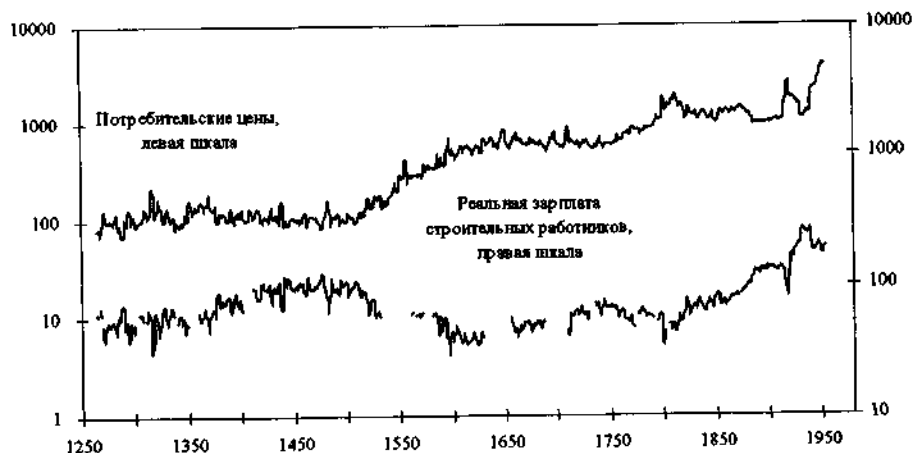

Рисунок 4.3. Цены и реальная заработная плата в Южной Англии, 1451-1475 = 100

Попытка создать синтетическую схему, объединяющую разные концепции «долгосрочных» циклов, была предпринята в работе Дж. Голдстейна (Goldstein 1988). Автор пытался одновременно учесть концепции «вековых трендов» Ф. Броделя, «мира-системы» и «ядра_периферии» И. Уоллерстайна, «циклов гегемонии» Дж. Модельски, «генеральных войн» К. Райта и А. Тойнби, о которых мы говорили выше. Кроме того, Дж. Голдстейн использовал идею Ч. Дорана (Doran 1971), согласно которой причиной «гегемонистских» войн является вызов действующему, но уже слабеющему гегемону со стороны аутсайдера. При этом сам аутсайдер, бросающий вызов лидеру и по сути развязывающий войну, не становится следующим гегемоном — вакантное место занимает третья держава, не участвовавшая в войне и не понесшая связанных с ней потерь. Наконец, Голдстейн интегрировал также схему Ч. Тилли (Tilly 1975), который выделил роль трех мирных договоров (Вестфальского, Венского и Версальского), последовавших за генеральными войнами и оказавших исключительное влияние на формирование новой системы европейских государств. Итоговая модель Голдстейна суммирована в табл. 4.5.

Легко видеть, что Дж. Голдстейн использовал хронологию «вековых трендов» Броделя, одновременно преобразовав их в «циклы гегемонии». Правда, для сохранения броделевской периодизации при этом потребовалось «переместить» генеральные войны с начала «циклов гегемонии» к их конечным (заклучительным) периодам. В результате оказывается, что если в большинстве концепций циклов гегемонии генеральные войны открывают новый период, т. е. являются его началом, то в схеме Голдстейна они становятся концом предшествующего цикла гегемонии, т. е. выступают в качестве ее разрушителя.

Попытка «скрестить ужа с ужом» приводит, как и следовало ожидать, к очевидно искусственным построениям. Например, вряд ли можно всерьез говорить о «гегемонии» Венеции в XVI—XVII в., аналогичной гегемонии США в XX в., да и Тридцатилетняя война, завершающая этот цикл, велась отнюдь не с Венецией. Если же говорить о войнах, положивших конец «гегемонии» Венеции, то это скорее могут быть Итальянские войны конца XV — начала XVII в., но это требует построения несколько иной схемы. Великоват оказался и разброс длительностей отдельных циклов: первый, согласно этой схеме, занял 300 лет, второй — 175 лет, третий — 115 лет (это замечание относится и к исходной датировке, предложенной Броделем).

Датировка «глобальных циклов» по Дж. Голдстайну

Период	Исходный гегемон	Потенциальный конкурент	Кульминационная гегемонистская война	Реструктурирующее соглашение	Эволюция мировой системы	Военная эволюция
1350(?) — 1648	Венеция	Габсбурги	Тридцатилетняя война 1618—1648	Вестфальский договор 1648	Экспансия периферии; увеличение военного финансирования за счет свободных финансовых ресурсов для консолидации стран, прилегающих к ядру	Наемнические войны
1648—1815	Нидерланды	Франция	Французские революционные и Наполеоновские войны 1793—1815	Венский конгресс 1815	Баланс сил в ядре; консолидация периферии	Профессиональные войны
1815—1945	Великобритания	Германия	I и II мировые войны 1914—1945	Ялтинское соглашение и др. 1945	Индустриализация; железные дороги и пароходы; дележка оставшейся периферии	Национальные войны
1945—	США	—	—	—	Сдвиг от Европы к Тихоокеанскому центру; ядерная война, космос; информационная эра	Технологические войны

Источник: Goldstein 1988, p. 285.

лем). Вряд ли можно говорить и о том, что в ходе Французских революционных и Наполеоновских войн Франция бросала вызов Нидерландам — они утратили свою гегемонию задолго до конца XVIII в.

В итоге отчаянная попытка согласовать разные циклические концепции, предпринятая Дж. Голдстайном, оказывается не только наглядной иллюстрацией бесплодности подобных усилий, но и лишний раз демонстрирует условность циклических схем исторического развития.

4. Проблема выбора

Попытаемся подвести некоторые итоги этого поистине бесконечного обзора циклических схем, который утомил читателя, должно быть, так же сильно, как и нас самих.

Прежде всего следует еще раз подчеркнуть, что в целом в XX в. утвердилась идея множественности циклов как в **экономике**, так и в социальной, политической и культурной жизни. Из этого следует, что вполне правомерно использовать циклы любой продолжительности, — в любом случае циклическое представление есть не более чем условная схема реального исторического процесса. Вопрос лишь в том, насколько удобен тот или иной цикл, насколько удачно вписывается реальное развитие в диктуемую им периодизацию. Ясно, что никакая циклическая схема не может охватить все многообразие реальной жизни, проблема только в удельном весе исключений, не вписывающихся в данную схему.

Заметим, что длительность циклов, анализируемых различными авторами, мало зависит от выбора объясняющего механизма. Так, «космические» циклы могут иметь продолжительность от нескольких месяцев до тысячелетий (когда речь идет о глобальных изменениях земного климата). «Механические» циклы могут быть вообще любой протяженности, и их период зависит только от формулировки модели. «Циклы жизни» варьируются от **3—5-летних** для продукта до **1000—1500-летних** для культур и цивилизаций. Даже периодичность «цикла поколений» у разных авторов составляет от 25 до **120—130 лет** в зависимости от количества поколений, образующих один Цикл.

При попытке выяснить, какие периоды наиболее популярны в научной литературе и от чего зависит их выбор, обнаруживается, что Длительность используемых для периодизации истории циклов воз-

растает с удлинением рассматриваемого исторического отрезка. Так, в области экономической истории XX в. для периодизации достаточно часто используются деловые циклы **НБЭИ** продолжительностью около пяти лет (хотя в принципе датировка этих циклов продлена «назад» до начала XVIII в.). По мере углубления в историю начинают шире использоваться циклы Кузнецца или «строительные» циклы с периодом около двадцати лет. Применительно к XVIII—XX вв. весьма часто используются циклы Кондратьева продолжительностью около пятидесяти лет. При углублении в «доиндустриальную» историю XVI—XVII вв. циклы Кондратьева приобретают уже абсолютно доминирующие позиции и к ним прибавляется двойной цикл, равный 110—120 годам (обычно кратный двум циклам Кондратьева). При дальнейшем увеличении рассматриваемого промежутка возникают еще более длинные циклы: так, «вековой тренд» у Ф. Броделя, равный трем циклам Кондратьева, имеет продолжительность около 150 лет.

Аналогичные тенденции просматриваются и в работах по социально-политической и культурной истории. В публикациях начала нашего века, охватывавших период с начала XIX в. (т. е. около 100 лет), еще пользовались популярностью 10—12-летние циклы солнечной активности. Но при удлинении периода до 150—200 лет уже тогда применялись циклы поколений (с периодом 25—30 лет) или двойные циклы поколений (с периодом 50—60 лет), в частности, в работах по истории культуры периода XVIII — начала XX в. При рассмотрении более длинных исторических периодов (протяженностью до 400—500 лет) использовались циклы из четырех поколений длительностью 110—120 лет, а при дальнейшем увеличении исторического периода уже возникали циклы «цивилизаций», «культур» и т. д. (от 500 до 1000 и более лет).

Для работ, публиковавшихся в 70—90-е годы нашего века и посвященных социально-политической истории конца XVIII—XX вв., т. е. охватывающих примерно 150—200-летний отрезок, наиболее типично использование 50—60-летних циклов (которые в экономике называются циклами Кондратьева, а в других социальных дисциплинах — циклами поколений). При удлинении периода до 400—500 лет (в частности, когда рассматривается история Нового времени, т. е. примерно с начала XVI в.) уже более характерно использование 110—120-летних циклов, по длительности равных четырем поколениям или двум циклам Кондратьева (например, когда речь идет о циклах «генеральных войн» или циклах гегемонии).

В целом можно сделать вывод, что обычно периодичность (длительность) используемых циклов подбирается таким образом, чтобы в рассматриваемом историческом промежутке укладывалось не менее трех и не более пяти циклов. Видимо, если количество циклов меньше трех, это не позволяет делать «убедительных» обобщений, а больше пяти циклов трудно одновременно держать в голове.

При этом можно отметить, что подавляющее большинство исторических работ, анализирующих долгосрочные тенденции, обычно охватывает от 100 до 200—300 лет (см. выше Приложение к гл. 2). Учитывая выявленную нами зависимость длины используемого автором цикла от продолжительности рассматриваемого им исторического периода, неудивительно, что в подавляющем большинстве «циклических» работ по экономической истории используется цикл Кондратьева длительностью 50—60 лет или производные этого цикла, кратные ему (обычно с периодом 110—120 лет). Точно так же и в работах по социальной и политической истории и по истории культуры наиболее распространенным является 50—60-летний цикл смены поколений («отцов и детей») или его производные (110—120-летний цикл «четыре поколения»).

Подводя итоги, можно сказать, что несмотря на очевидную условность многих, если не большинства, циклических схем исторического развития, стремление создавать и воспроизводить их отражает объективную потребность историков в систематизации и упорядочении необычайно многообразного исторического материала. Циклические схемы истории отражают необходимость оперировать некалендарными единицами исторического времени, позволяющими членить его на качественно однородные промежутки.

§ 3. СТАДИИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

— Вторая стадия кражи гуся, — холодно заметил **Остан**. — Третья стадия начнется после поимки виновного. Она сопровождается чувствительными побоями.

И. Ильф и Е. Петров. Золотой **теленк**

Как отмечалось в главе 3, философские схемы стадийального развития получили наибольшее распространение во второй половине XVIII — первой половине XIX в. С середины XIX в. ситуация на-

чинает меняться: из чисто философских концепций «всемирной истории» стадияльные схемы превращаются в теоретический инструмент анализа истории развития общества.

В этом новом качестве стадияльные модели сохранили основную идею, заложенную в философских схемах, — идею прогресса, поступательного развития. Именно этим «стадиями» или «этапами» отличаются от исторических «периодов». Стадияльные концепции явно или неявно подразумевают, что каждая следующая стадия превосходит предыдущую по некоторому параметру или их набору. Исторические периоды в этом случае являются не просто качественно различными, но оказываются упорядочены или иерархизированы во времени. Наконец, в отличие от обычных исторических «периодов» различия между стадиями характеризуются по единому критерию.

Еще одно отличие «стадий» от «периодов» состоит в множественности рассматриваемых отрезков времени. «Период» может быть и как правило является изолированным временным отрезком, выделенным по самым разным причинам и критериям (например, в связи с наличием источников за определенный промежуток времени). Стадияльные схемы требуют рассмотрения как минимум двух, а в большинстве случаев нескольких периодов, различающихся по некоторому качественному признаку.

Таким образом, концепция стадий представляет собой одну из наиболее «жестких» моделей исторического развития, неизбежно характеризующуюся значительными **упрощениями**⁴⁸. Но одновременно стадияльные схемы относятся к относительно немногочисленным попыткам построения теории общественного развития, что придает им несомненную научную ценность.

В принципе, для теоретической характеристики концепции стадий применимо разработанное М. Вебером понятие «идеальных типов», конструирование которых позволяет продемонстрировать систематические связи между разными характеристиками жизни общества (см.: *Weber 1949*).

⁴⁸ Неудовлетворенность очевидной нормативной **заданностью** стадияльных схем, предлагавшихся в XIX в. и жестко связанных с идеей прогресса, обусловила попытки построения гораздо более размытых концепций в первой половине XX в. Так, в немецкой историко-экономической литературе на смену «хозяйственным ступеням» и «хозяйственным стадиям» пришли «хозяйственные системы» (В. Зомбарт), «хозяйственные стили» (А. Шпитгоф) и, наконец, «хозяйственные порядки» (В. Ойкен), но суть данного подхода осталась неизменной.

Не вдаваясь в детальное обсуждение данной темы, представляющей особый интерес, ограничимся двумя короткими замечаниями. Не лишне напомнить, что М. Вебер, считая возможным описать последовательность развития с помощью идеальных типов, предупредил: «Являлся ли исторический процесс развития эмпирически действительно таким, как он выражен в данной конструкции, можно установить с ее помощью в качестве эвристического средства — сравнивая идеальный тип с „**фактами**“... Такой метод не вызывает сомнений методологического характера до тех пор, пока исследователь отчетливо осознает, что идеально-типическую конструкцию развития, с одной стороны, и историю — с другой, следует четко различать и что в данном случае упомянутая конструкция служила просто средством совершить по заранее обдуманному намерению значимое сведение исторического явления к его действительным причинам, возможное, как нам представляется, при существующем состоянии нашего **знания**» (*Вебер 1990 [1904]*, с. 402—403).

Однако в большинстве предлагаемых схем, как справедливо отмечают некоторые исследователи, стадии скорее выступают как «реальные **типы**», которые «могут быть получены при помощи совершенно иного подхода, а именно посредством „обобщающей“ абстракции, в противоположность идеальным типам, которые возникают в результате „выделяющей“ или „изолирующей“ абстракции» (*Ойкен 1996 [1940]*, с. 312, сн. 13; см. также с. 331, сн. 66).

В 1960-е годы С. Кузнец в ходе полемики с У. Ростоу сформулировал пять требований, которым должны удовлетворять стадияльные схемы:

- 1) стадии должны определяться по таким параметрам (**характеристикам**), которые могут быть верифицированы или квантифицированы;
- 2) величина этих параметров (характеристик) должна меняться заметным образом при переходе от одной стадии к другой;
- 3) должны существовать показатели, позволяющие судить о завершении одной стадии и наступлении другой;
- 4) необходимо указать пространство или область, к которой приложима данная стадияльная схема;
- 5) последовательная смена стадий должна подчиняться действию некоего механизма, который в идеале должен позволять предсказывать продолжительность новой стадии (цит по: *Maddison 1982*, р. 90).

К этому списку требований, на наш взгляд, необходимо добавить еще два существенных ограничения, которые обычно выпадают из поля зрения исследователей.

Прежде всего, стадии должны определяться на основе однотипного параметра или **критерия**. Зачастую это требование не соблюдается, и отличие одной стадии от другой формулируется в разных понятийных рядах. Здесь можно привести много примеров — типичным образцом смешения понятийных рядов является схема Кондорсе, о которой говорилось в § 3 главы 3.

Другая важная проблема, которая должна решаться при построении стадийных схем исторического развития, — проблема переходных периодов и **«переключателя»**, обеспечивающего переход от одной стадии к другой. Учитывая, что значительная часть стадийных схем связана с экономическим развитием, в этой главе мы рассмотрим проблему «переходов» на примере экономических стадий (некоторые другие аспекты этой темы мы обсуждали выше, в гл. 2, § 4).

Начиная с работ Л. Вальраса и В. Парето, центральной проблемой экономической науки стала проблема общего равновесия. С этой точки зрения, каждая стадия может рассматриваться как описание экономики, действующей в окрестностях равновесного положения (в более поздних понятиях — находящейся в режиме равновесного или так называемого стационарного роста). Но при этом модели самих стадий оказываются в коренном противоречии с моделями *перехода* от одной стадии к **другой**. Строго говоря, чисто экономические модели **внутристадийного** развития (в которых институциональные параметры предполагаются постоянными) не могут одновременно быть моделями перехода от одной стадии к другой. Смена стадий — это прежде всего смена институциональных условий функционирования экономики.

Пожалуй, первым, кто осознал (хотя бы на интуитивном уровне) и попытался решить эту проблему, был К. Маркс, предложивший стадийную схему развития капиталистического способа производства. В отличие от схемы смены общественно-экономических формаций, которую, как отмечалось в главе 3, ни Маркс, ни Энгельс по существу не разрабатывали, марксова теория стадий капиталистического развития отличается целостностью и непротиворечивостью. Неудивительно, что эта модель оказалась поразительно жизнеспособной и в подавляющем большинстве последующих исследований в этой области так или иначе учитываются ее основные элементы.

Напомним, что в соответствии со схемой Маркса история «капиталистического способа производства» (а по существу речь шла о развитии западной экономической системы) состояла из трех «стационарных» периодов (собственно «стадий») и двух «переходных» периодов между этими стадиями. К стационарным периодам или собственно стадиям относился **«торгово-ростовщический»** капитализм, существовавший в торговых городах Италии (XIV—XV вв.), аграрный и **промышленно-мануфактурный** капитализм в Голландии и Англии (середина XVI — конец XVIII в.); «фабричный» капитализм в Англии и других европейских странах (начиная с 1820-х годов). К переходным периодам относилась «аграрная революция» в Англии и «революция в мировой торговле» (конец XIV — середина XVI в.), а также **«промышленная революция»** в Англии (конец XVIII — начало XIX в.).

Несмотря на очевидные методологические недостатки (в частности, Маркс отталкивался прежде всего от английской истории, но пытался распространить свою схему на всю Западную Европу), эта модель по сей день пользуется большой популярностью. Чуть ниже мы вернемся к обсуждению марксовой схемы и ее эволюции в последующих исторических исследованиях, здесь же подчеркнем теоретическую значимость предложенного Марксом подхода. Во-первых, им впервые была в явном виде сформулирована проблема существования двух типов исторических периодов, которые в современных терминах можно именовать как «стационарные» и «переходные». Тем самым была обозначена (хотя и в неявном виде) качественная неоднородность единиц исторического времени. Во-вторых, переходы от одного стационарного состояния к другому увязывались с воздействием экзогенных или «внесистемных» для данной модели факторов. Проще говоря, переход от одного стационарного состояния экономической системы к другому определяется внеэкономическими факторами — социальными, политическими, культурными и т. д.

В исторической науке вопрос о необходимости использования разных подходов к изучению переходных периодов и периодов равновесия первым поставил Ф. Бродель. Уже в работе, посвященной Средиземноморью, он обрисовал проблему, отметив дисбаланс в тематике исторических исследований. **«Мне кажется, — писал Бродель, — что история предстает перед нами как ряд кризисов, между которыми существуют какие-то площадки, эпохи равновесия, о которых историки говорят совершенно недостаточно» (Braudel 1949, p. 1095).**

Используя современные представления и терминологию, можно сказать, что стадийные модели исторического развития предпола-

гают выделение периодов стационарного развития отдельных *подсистем* общества (экономической, социальной, политической, культурной), а не стадий развития общества в **целом**. Каждая стадия характеризуется относительной устойчивостью данной подсистемы, т. е. присущих ей структуры и связей, причем эта устойчивость обеспечивается взаимодействием внутренних, эндогенных для данной подсистемы факторов.

Вместе с тем любая стадиальная схема, наряду с эндогенным механизмом поддержания стационарного состояния внутри каждой стадии, одновременно предполагает наличие принципиально иного механизма *перехода* от одной стадии к **другой**. Этот переход характеризуется относительно быстрыми и значительными изменениями в соответствующей подсистеме общества и обуславливается действием внешних, экзогенных для нее факторов. Так, если речь идет, например, о стадиях политического развития, то переход от одной стадии к другой может вызываться действием экономических, социальных или культурных факторов, но никак не внутренними изменениями самой политической подсистемы.

1. Типология стадиальных схем

Стадиальные модели исторического развития, не столь многочисленные, как циклические, отличаются тем не менее большим разнообразием (см., например, обзорные работы по экономическим стадиям: *Gras* 1930; *Hoselitz* 1960). Поэтому при построении типологии стадиальных схем целесообразно, на наш взгляд, не ограничиваться каким-то одним классификационным параметром, а попытаться рассмотреть различия между отдельными схемами с разных точек зрения.

Прежде всего, в соответствии с типологией схем «всемирной истории», предложенной в §3 главы 3, стадиальные схемы исторического развития также можно разделить на две основные группы, различающиеся по методике построения соответствующих моделей.

Схемы, принадлежащие к первой группе, строятся по принципу «диахронизации **синхронии**», когда каждая страна (нация, регион и т. д.) размещается на некоторой универсальной стадиальной шкале в соответствии с уровнем своего развития. То же относится к прошлому каждой страны: предполагается, что все страны или нации проходят в своем развитии одни и те же стадии.

Особенно широкое распространение исторические схемы, построенные по принципу «синхронизации **диахронии**», получили в **1950—1960-е** годы/ Прежде всего речь идет о теориях «индустриализации», «стадий экономического **роста**», «**модернизации**» и т. д. В упрощенном виде подобные конструкции также сводились к трем основным стадиям развития общества: доиндустриальной (аграрной, традиционной) — индустриальной (модернизированное общество) — постиндустриальной (информационное, технологическое и т. д. **общество**).

Конечно, авторские интерпретации этой схемы отличались известным разнообразием, в нее могли встраиваться дополнительные промежуточные стадии или переходные периоды, но в целом указанные концепции можно отнести к одной группе. Их появление явилось реакцией на политическое и экономическое расширение мирового сообщества, вхождение в него бывших колоний, приобретших политическую независимость после второй мировой войны. **Возникнув**, подобно схемам Варрона и Лукреция, в ответ на текущую ситуацию, эти схемы были распространены на историю развития отдельных стран и регионов.

Второй тип стадиальных схем основан на принципе «выделения **ядра**». В этом случае схема относится только к определенному региону или группе стран и строится «в режиме реального **времени**».

Традиция создания стадиальных схем европейской истории была особенно сильна в Германии, начиная с «трех стадий развития закона» Ф. Шеллинга и «четырёх стадий развития абсолютного духа» Г. Гегеля. В XIX в. широкую известность получили стадиальные модели представителей немецкой историко-экономической школы: «три стадии развития форм обмена» Б. Гильдебранда, «пять стадий пространственной организации экономики» Г. Шмоллера, «три стадии развития хозяйственных единиц» К. Бюхера и т. д. В начале XX в. «стадиальная» традиция была продолжена К. Лампрехтом, К. Брейзигом, В. Зомбартом, А. Шпитгофом, отчасти М. Вебером, Э. Трельчем и некоторыми другими авторами (см., например: *Трельч* 1994 [1922], гл. 4).

После второй мировой войны проблема стадиального развития европейского общества (в которое стали включаться США) активно разрабатывалась в работах В. Хоффмана, С. Кузнецца, А. Мэддисона, а также в многочисленных исследованиях представителей французской и американской леворадикальной «школы регулирования» (на этих схемах мы остановимся чуть ниже).

Второй классификационный параметр, по которому можно группировать стадиальные схемы, относится к выбору подсистемы общества, развитие которой анализируется с помощью стадиальной модели. Учитывая, что наибольший интерес к стадиальным схемам традиционно проявляют специалисты по экономической истории, стадиальные модели можно разделить на «экономические» и «неэкономические». К последним относятся стадиальные схемы развития культуры, религии, политической системы, социальных структур и т. д. В свою очередь схемы, относящиеся к одному сектору или подсистеме общества, далее могут различаться по механизмам перехода от одной стадии к другой, т. е. по используемым в данной модели экзогенным факторам смены стадий.

Так, в моделях стадиального развития экономики в качестве экзогенного фактора наибольшей популярностью пользуются технико-отраслевые параметры. Речь идет о всех факторах, связанных с изменением «производительных сил» общества, переворотами в технике и технологии, — всем, что теперь обозначается аббревиатурой НТП. Например, начиная с К. Маркса экзогенные факторы такого типа используются во всех схемах, выделяющих в качестве переходного периода «промышленную революцию». В XX в. этот подход развивали, в частности, В. Хоффман, А. Гершенкрон, К. Кларк (*Gerschenkron* 1952; *Hoffmann* 1931; 1955; 1958; *Clark* 1951).

Первая целостная стадиальная схема экономического развития, использующая в качестве экзогенного параметра научно-технический прогресс, была предложена в 1930-е годы Й. Шумпетером (*Schumpeter* 1939). Выделяя этапы или стадии развития капитализма, Шумпетер акцентировал внимание на процессе внедрения изобретений в производство и смене «лидирующих» отраслей. Так, период 1787—1842 гг. он связывал с развитием текстильной и чугунолитейной промышленности, использованием парового двигателя; 1842—1897 гг. — со строительством железных дорог; период, начавшийся в 1897 г., — с применением электричества, развитием химии и автомобилестроения (см. также: *Kuznets* 1940).

Максимальное воплощение «техничко-отраслевой» подход получил в концепции «стадий экономического роста», предложенной У. Ростоу (*Rostow* 1960, 1978). Каждую стадию капитализма Ростоу связывает с развитием определенных отраслей («лидирующих секторов») экономики — сельского хозяйства (традиционное общество), текстильной промышленности (стадия «взлета» — take-off), чугуно-

литейной промышленности (стадия перехода к технологической зрелости или индустриальное общество), автомобилестроением, авиастроением и электроникой (стадия массового потребления), и, наконец, сферой услуг (стадия поиска качества жизни). Кроме того, разным стадиям соответствуют определенные виды энергии — паровая, электрическая, атомная.

Конечно, концепция «стадий экономического роста» не сводится только к определению технико-экономических показателей. Росту пытался учесть и экономические характеристики (прежде всего, изменение нормы накопления), а также политические, идеологические и психологические параметры общественного развития. Однако в основе концепции автора «Некоммунистического манифеста» (подзаголовок книги Ростоу) лежит, как ни странно, та же логика, которую развивал один из создателей «Коммунистического манифеста» при анализе промышленной революции. Все переходы от одной стадии к другой связаны с развитием пресловутых «производительных сил», т. е. с технологическими и соответствующими им отраслевыми сдвигами в экономике.

Второй наиболее распространенный механизм, применяемый в моделях стадиального развития экономики, можно условно обозначить как «институциональный». В качестве «переключателя», обеспечивающего переход от одной стадии к другой, здесь выступают институциональные сдвиги в общественной системе: появление новых или модификация функций старых институтов (в том числе государства), изменения в социальной структуре и расстановке классовых сил и т. д.

Один из наиболее известных примеров — определение стадий по формам организации производства, впервые предложенное еще К. Марксом (мануфактура — фабрика). Впрочем, дальше ситуация становится не вполне ясной. Если говорить о формах организации самого производства, то затем следует хорошо известная стадия конвейерного производства или массового поточного производства, которую с 70-х годов XX в. начинает сменять мелкосерийное и штучное производство. Но, на наш взгляд, подобная классификация скорее относится к предшествующему — технико-экономическому — подходу. Более логичным представляется рассмотрение форм организации основной хозяйствующей единицы бизнеса — тогда за фабрикой должна следовать многозаводская (многоотраслевая, диверсифицированная) компания (в состав которой в качестве самостоятельных хозяйствен-

ных единиц могут входить фабрики, заводы, сбытовые конторы и даже отели и казино).

Заметим, что речь идет не только об организации производства, но и о формах собственности, смена которых может рассматриваться в качестве экзогенного институционального параметра. В частности, многозаводской структуре компаний соответствует корпоративная (акционерная) форма организации бизнеса, которая стала интенсивно распространяться в последней трети XIX в. (*Chandler 1977*).

Другой типичный пример «институционального» подхода к определению стадий представляет концепция «империализма» как особой стадии развития капитализма, разработанная английским экономистом Дж. Гобсоном. В работах Гобсона в качестве критерия, на основе которого выделялись стадии развития капиталистической экономики, использовались типы конкуренции и организации рынков — соответственно, свободная конкуренция и монополистическая конкуренция. В качестве же **«переключателя»**, обусловившего переход от одной стадии к другой, Гобсон выделял внешнеполитические факторы, связанные с международной экспансией ведущих капиталистических стран. Именно «империалистическая внешняя политика» обеспечивала условия для образования крупных компаний и концентрации экономических ресурсов в руках небольшого числа фирм (Гобсон 1898 [1894]; 1918 [1902]).

В. Ленин в популярном очерке «Империализм, как высшая стадия капитализма» (*Ленин 1962 [1917]*) попытался пересказать работы Гобсона для широкой публики, полностью исказив при этом гобсоновскую модель и придав ей совершенно невразумительный характер. В работе Ленина монополистическая конкуренция была подменена **«монополией»**, обозначающей крупную фирму, что сделало характеристики стадий несопоставимыми между собой. В качестве же «переключателя» Ленин выделил процесс концентрации капитала и производства, т. е. экономический фактор, которым и объясняется, по его мнению, возникновение империалистической внешней политики. Именно эту стадиальную схему развития западной экономики в течение многих десятилетий использовали тысячи историков и экономистов в СССР.

После второй мировой войны «марксистские» исследователи (в основном западные, но отчасти и советские) попытались «развить» ленинскую схему, дополнив ее еще одной стадией — **«государственно-монополистического капитализма»**, имея в виду возврат к типологии

стадий по характеру конкуренции и выделяя в качестве «переключателя» внеэкономический фактор — в данном случае, государственную политику. Но исходная несуразность ленинской схемы была столь велика, что даже в этом улучшенном варианте она осталась совершенно непригодной для задач научного анализа.

Институциональные параметры присутствуют и в упоминавшихся выше стадиальных схемах **«традиционного—модернизированного»** общества. Любопытно отметить, что если в социологических схемах такого типа предлагается «техничко-отраслевой» механизм переключения, то экономисты, наоборот, используют **«институциональные»** переключатели. Наиболее типичным примером является работа С. Кузнеца, разработавшего по существу стадиальную модель «досовременного» и «современного» типа экономического роста.

По мнению С. Кузнеца, во второй половине XVIII в. начался переход от традиционного к «современному» типу экономического роста. Последний определялся Кузнецом на основе внешне простого **критерия**, который сводится к тому, что реальный валовой национальный (или внутренний) продукт на душу населения растет в среднем не менее, чем на 1% в год. Но, как показал Кузнец, эта чисто количественная характеристика экономического роста достигается только при совершенно определенных качественных изменениях как в экономике, так и в социально-политических структурах общества (*Kuznets 1966*).

В экономике к таким изменениям относятся сдвиги в пропорциях использования факторов производства — увеличение затрат капитала и снижение затрат труда. Это в свою очередь ведет к повышению производительности труда. Наконец, в этом процессе существенное значение имеет научно-технический прогресс и повышение качества рабочей силы. Но главную роль в переходе к «современному» типу экономического роста во второй половине XVIII в. сыграли социально-политические изменения в обществе. К важнейшим из них С. Кузнец относил распространение и утверждение в общественном сознании идей секуляризма, эгалитаризма и национализма.

Еще один пример «институционального» подхода к механизму смены стадий можно найти в работе А. Мэддисона «Фазы капиталистического развития» (*Maddison 1982*). Строго говоря, схема Мэддисона не является стадиальной в точном смысле (поэтому, в частности, он использует термин «фазы», а не **«стадии»**). Дело в том, что «фазы» развития капиталистической экономики определяются Мэддисоном

по критерию скорости и **устойчивости** экономического роста и по этому критерию последующая **«фаза»** не всегда превосходит **предыдущую**. Но по сути модель Мэддисона близка к **стадиальным схемам**, поскольку в качестве **«переключателя»**, обеспечивающего смену «фаз», автор выделяет прежде всего институциональные факторы, такие как ориентация государственной экономической политики, система международных экономических отношений, институциональные характеристики рынка рабочей силы и т. д. (*Maddison* 1982, p. 92).

Как и в «технологическом» варианте, мы далеко не исчерпали перечень всех концепций, объясняющих переход от одной стадии к другой с помощью институциональных факторов. Варианты таких институциональных параметров весьма разнообразны: появление новых институтов, изменение форм и методов контроля, сдвиги в сфере властных полномочий и т. д. вплоть до расходов на образование и социальные нужды (*Hage et al.* 1980).

Если обратиться к «неэкономическим» стадиальным схемам развития отдельных подсистем общества, то в них наиболее характерным «переключателем» оказываются экономические или «технико-отраслевые» факторы.

Ярким примером такого подхода является, например, концепция К. Лампрехта, на формирование взглядов которого большое влияние оказала «новая немецкая историко-экономическая школа», с одной стороны, и идеи «психологической истории» В. Вундта — с другой. История немецкого народа рассматривалась **Лампрехтом** как последовательный ряд определенных социально-психологических эпох: символической (доклассовое общество), типической (раннее Средневековье), конвенциональной (позднее Средневековье), индивидуалистической (период Ренессанса и Просвещения), субъективной (эпоха романтизма), социально-психологической (период промышленной революции; см.: *Lamprecht* 1896; 1905).

«Каждая из этих ступеней означает определяемое строгими специальными психологическими понятиями духовное состояние коллектива, „диапазон“, из которого можно вывести отдельные моменты мышления, фантазии, нравов, религии, искусства, музыки, настроения и т. д.» (*Трельч* 1994 [1922], с. 364). При этом двигателем развития, или, в наших терминах, «межстадиальным **переключателем**», Лампрехт считает экономический прогресс.

Примерно такой же, хотя и менее строго формулируемый подход предлагал В. Зомбарт. В его схеме история Запада делится на

четыре стадии: 1) распространение оседлости среди варварских племен; 2) феодализм в раннее Средневековье; 3) городской строй в позднее Средневековье; 4) современный мир как культура капитализма и современного единого государства (*Зомбарт 1924—1929 [1902]*). Зомбарт «пытается расчленить историю на периоды культуры, толкуя каждый период как „систему“, характеризующуюся определенным „духом“ и „стилем“» (*Трельч* 1994 [1922], с. 300; см. также с. 641—642). Каждая стадия характеризуется определенной «хозяйственной **психологией**», а смена стадий определяется экономическим развитием, выступающим в качестве **«переключателя»**.

Типичным современным примером **«неэкономических»** стадиальных схем является так называемая «теория **регулирования**», которую первым сформулировал французский экономист М. Альетта в середине 70-х годов (*Aglietta* 1979 [1974]). В 1980-е годы эта концепция и конструируемые на ее основе стадиальные схемы обрели широкую популярность как в европейских странах, так и в США, особенно среди представителей марксистских и леворадикальных **взглядов**⁴⁹.

Между сторонниками «теории регулирования» имеется довольно много разногласий, как концептуальных, так и терминологических. Более того, внутри этого направления даже выделяется несколько самостоятельных «школ» (парижская, гренобльская, голландская, американская). Однако в подходе к стадиальным моделям представители этого направления более или менее едины. Несмотря на то, что формально предлагаемые ими схемы провозглашаются **«экономическими»**, в большинстве случаев стадии определяются как периоды с однотипной институциональной структурой, а экономические факторы рассматриваются в качестве **«переключателя»**.

В этом случае каждая стадия отличается прежде всего своими институциональными характеристиками: системой общественных институтов, формами и методами государственного регулирования, характером отношений между наемными работниками и бизнесом и т. д. Так, например, Д. Гордон с соавторами (*Gordon et al.* 1982, p. 9ff) выделяет три стадии, начиная с 1820-х годов: «начальной пролетаризации» рабочей силы (до последней трети XIX в.); «гомогенизации» рабочей силы (до 1930-х годов) и нынешнюю стадию «сегментации» рабочей силы. Соответственно, переход от одной стадии

⁴⁹ См., например: *Boyer* 1986; *Bernis* 1977; *Lipietz* 1986 [1983]; 1987; *Dumenil, Levy* 1988; *Gordon* 1980; *Gordon et al.* 1982; 1983; *Bowles, Edvards* 1985.

(«режима регулирования» или «социальной структуры накопления») к другой вызывается изменениями в экономической или социальной подсистеме общества.

К числу **«неэкономических»** стадийальных концепций можно с некоторой долей условности отнести теорию **«модернизации»**, сторонники которой сосредоточивались на проблеме изменения социальной структуры общества, перехода от **«традиционной»** к «модернизированной» системе социальных отношений и связей (обзор см. в: *Штомпка* 1996 [1993], гл. 9). Эта сугубо социологическая концепция возникла как продолжение дискуссий 1960-х годов вокруг концепций индустриализации (в смысле промышленного переворота).

Большинство авторов «модернизационных» концепций использовало схему двух стадий развития социальной структуры, тесно связанную с концепцией промышленного переворота. Дело в том, что традиционная социальная структура ассоциируется прежде всего с аграрной экономикой, а модернизированная социальная структура — с индустриальной (промышленной) экономикой. Тем самым смена стадий социальной подсистемы оказывается связанной с влиянием экономических или даже технико-отраслевых факторов. Дальнейшее продолжение эта модель получила, в частности, в работах Р. Арона, О. Тоффлера, Д. Белла и других известных **«апологетов»** постиндустриального общества. Во всех этих *социологических* теориях развития общества в качестве **«переключателя»**, обеспечивающего изменения в социальной подсистеме, рассматриваются экономические или технико-отраслевые факторы, что следует из самого названия стадий: аграрное общество, индустриальное общество, постиндустриальное (информационное и т. д.) общество.

Как справедливо отмечает У. Мур, «хотя авторы, изучающие экономическое развитие, признают, что изменения, сопровождающие модернизацию, являются комплексными и не характеризуются одинаковой **последовательностью**, в их работах обычно используется сильно упрощенная модель трансформации» (*Moore* 1963b, p. 41).

В 1960-е годы появились также исследования, в которых разрабатывались стадийные модели политической истории общества (*Rostow* 1961; *Organski* 1965; *Black* 1966). В этих работах стадии определялись по типу государственной власти и государственной политики, а в качестве «переключателя», обеспечивающего смену стадий, рассматривались экономические и социальные факторы (см.: *Flora* 1974).

Говоря о типологии стадийальных схем, можно указать и некоторые другие варианты их классификации, показывающие, как изменялись стадийные модели во времени. В частности, это относится к продолжительности исторического периода, заключенного в рамки стадийных моделей. Для работ, написанных с середины XVIII до середины XIX в., было характерно стремление к построению стадийных схем всей истории человечества, что соответствовало христианской традиции. Во второй половине XIX — начале XX в. временной горизонт стадийных схем в основном сузился до нескольких столетий, начиная с эпохи Возрождения или Нового времени. В XX в. преобладали схемы, охватывающие еще более короткий период — с конца XVIII или с начала XIX в. Хотя, естественно, имеются исключения (например, работа К. Ясперса), в целом тенденция к уменьшению периода, охватываемого стадийными схемами, проступает весьма отчетливо.

Наконец, стадийные схемы исторического развития можно условно разделить на преимущественно философские и преимущественно научные. Помимо очевидных различий в характере использования эмпирического материала при построении этих двух типов схем, они отличаются своими темпоральными характеристиками. Философские стадийные схемы «всемирной истории» строятся для осмысления настоящего, что предполагает построение картины как прошлого, так и будущего. Научные же модели стадийного развития ориентированы на изучение прошлого. В целом можно говорить о доминировании философских стадийных схем со второй половины XVIII до последней трети XIX в., после чего перевес получают научные модели стадий исторического развития.

2. «Разрывы» истории

Стадийные схемы, основанные на идее прогресса, подразумевают некое превосходство каждого последующего исторического этапа или стадии над предыдущим хотя бы одному параметру. В этой связи показательно, что исторические стадийные схемы (в отличие от более общих философских построений) ориентируются прежде всего на опыт Запада (т. е. Западной Европы и стран «переселенческого капитализма» — США, Канады и Австралии). История остальных стран, регионов или цивилизаций, увы, плохо укладывается в стадийные концепции, что служит основой для все более ши-

роко распространяющихся представлений об уникальности западной цивилизации.

Общим элементом всех стадийных моделей, как отмечалось выше, является выделение «стационарных» периодов и разделяющих их «разрывов» в истории общества. Сама по себе эта идея отнюдь не нова — она присутствовала уже в древнейших схемах исторической периодизации, о которых шла речь в главе 2. Типичным примером, в частности, можно считать периодизацию истории по годам правления — смена монарха выступает в качестве пункта разрыва истории, а период внутри хронологических рамок правления рассматривается как качественно однородный.

Важным этапом в формировании «стационарно-разрывной» модели исторического процесса стала схема **«античность—Средневековье—Возрождение»**, возникшая в XVI—XVII вв. Европейская история, в сущности, делилась на три качественно разнородных периода, при этом каждый период рассматривался как внутренне однородный. По сути речь шла о дальнейшем развитии идеи существования «стационарных» периодов в истории и разделяющих их разрывов.

Следующий важный этап формирования этой модели был связан с возникновением идеи прогресса и распространением философских концепций стадийного развития во второй половине XVIII — первой половине XX в. Здесь идея существования **«стационарных»** периодов и разделяющих их «разрывов» была впервые представлена в систематическом виде и совмещена с концепцией прогресса, постулирующей «превосходство» каждого «стационарного» периода над предыдущим.

Со второй половины XIX в. «стационарно-разрывная» модель начинает фигурировать в исторических исследованиях (см., например: *Ранке* 1898 [1854]). При этом она используется подавляющим большинством историков, а отнюдь не только авторами стадийных схем, — последние лишь придают этой модели более строгую и законченную форму. Среди относительно недавних исследований «стационарно-разрывная» модель истории наиболее наглядно представлена в работах представителей структурной истории. Крайним выражением этой концепции можно считать нашумевшую в свое время статью Э. Ле Руа Ладюри «Застывшая история» (*Ле Руа Ладюри* 1993 [1974]), в которой трехсотлетняя история Франции на протяжении XIV—XVI вв. рассматривается в качестве «стационарного» периода,

причем не просто качественно однородного, но характеризующегося едва ли не полным отсутствием каких бы то ни было изменений в обществе.

Еще одним важным этапом в становлении «стационарно-разрывной» модели исторического процесса стало развитие идеи **«разрывов»**. Наряду с сохранением концепции точечных или моментных разрывов, связанных с конкретными историческими событиями (войны, **революции**, смена правителей и т. д.), «разрывы» стали трактоваться и как некие исторические периоды, имеющие определенную временную протяженность. В **этом** случае **«разрывы»**, как отмечалось выше, начинают рассматриваться не как моменты скачкообразных изменений состояния общественной системы, а как переходные периоды между **«стационарными»** состояниями. «Переходные» периоды оказываются временем интенсивных изменений в обществе.

Заметим, что в контексте общей концепции прогрессивного исторического развития со стадийной «ступенчатой» моделью успешно конкурирует **«эволюционная»** модель истории, в которой исторический процесс предстает в виде постоянных постепенных изменений. Эта модель, возникшая в конце XIX в. под влиянием теории биологической эволюции Дарвина, имеет целый ряд несомненных достоинств и во многих случаях лучше соответствует реальному историческому процессу, чем **«революционная»** стадийная, или **«стационарно-разрывная»**, концепция. Но эволюционная модель имеет и очевидный недостаток. Она операбельна только в рамках календарного, качественно однородного времени, т. к. не задает никакого способа качественного членения исторического времени.

Поэтому, отдавая должное эволюционной модели, мы не будем останавливаться на ней специально, а сосредоточимся на **«революционных»** концепциях истории. Особый интерес здесь, на наш взгляд, представляет анализ «переходных» периодов в историческом развитии, отделяющих одно **«стационарное»** состояние общества от другого.

Первым переходным периодом, привлекающим внимание историков, является переход от Средних веков к Новому времени. Как отмечалось в главе 2, в конце XVII в. Х. Келлер первый поделил всемирную историю на древнюю, среднюю и новую (*Cellarius* 1685—1698), и в течение последующего столетия эта концепция постепенно утвердилась в **историографии**⁵⁰. Но лишь в середине XIX в. началось обсужде-

⁵⁰ Напомним, что Х. Келлер в качестве события, разделяющего среднюю и новую историю, выделил захват Константинополя турками в 1453 г.

ние проблемы переходного этапа, пролегающего между двумя качественно различными (но внутренне однородными) периодами истории Запада: Средневековьем и Новым временем. Едва ли не первым автором, предпринявшим попытку обозначить переходный *период* между средней и новой историей, был Ж. Мишле, который в одном из томов своей многотомной истории Франции выделил в качестве такого переходного периода эпоху Возрождения (*Michelet 1833—1867*, v. 7).

В качестве целостной исторической модели концепцию переходных исторических периодов разработал К. Маркс в первом томе «Капитала» в рамках своей стадийной модели развития капитализма (точнее, «капиталистического способа **производства**», поскольку Маркс еще не использовал термин «**капитализм**»)⁵¹. Эта **схема**, включавшая, как отмечалось выше, три «стационарных» — **предкапитализм**, мануфактурный капитализм и фабричный капитализм — и два «переходных» периода в развитии капитализма — «аграрную революцию» и «промышленную революцию» — стала отправной точкой не утихающей до настоящего времени дискуссии, связанной с выделением и датировкой «переходных» и «стационарных» периодов.

Идея о **том**, что «переходные» периоды в развитии западного общества приходятся на XVI в. и на конец XVIII — начало XIX в., оказалась поразительно популярной, хотя **относительно** характерис-

⁵¹ Генезис и эволюция терминов «**капитал**», «капиталист» и «капитализм» были подробно рассмотрены Ф. Броделем (*Бродель 1986—1992* [1979], т. 2, с. 222—230). Согласно его изысканиям, слово «капитал» (от *лат. caput, capitis* — голова) начало использоваться в XIII в., «**капиталист**» появляется в XVII в. Термин «**капитализм**» в современном смысле был впервые употреблен Луи Бланом в 1850 г., а распространение он получил только в начале XX в., после выхода в свет работ Дж. Гобсона «Развитие современного капитализма» (1894) и В. Зомбарта «Современный капитализм» (1902).

В этой связи можно указать на забавное «**открытие**» Ю. Давыдова, полагающего, что не только понятие, но и сам термин «капитал» были известны еще Платону (*Давыдов 1995а*, с. 41). Свой вывод Давыдов основывает на обнаружении им слова «капитал» в русском переводе Платона, сделанном в конце прошлого века. Мы вынуждены с сожалением заметить, что Платон хотя и жил в эпоху античности и слыл образованным человеком, но, увы, к стыду своему, не знал латыни... Если же говорить серьезно, то здесь мы имеем дело с ярким примером исторического анахронизма (подробнее об анахронизмах см. ниже, гл. 6, § 1), который был **благополучно** устранен в современном переводе Платона под редакцией А. Лосева (ср.: *Платон. Государство 555е*, изд. 1863 и 1994 гг.).

тик и точных хронологических границ этих периодов высказываются самые разные мнения.

Что касается первого периода, то, как полагал Маркс, «пролог переворота, создавшего основу капиталистического способа производства, разыгрался в последнюю треть XV и в первые десятилетия XVI столетия». Первым фактором, обеспечившим переход от предкапитализма к капитализму, была «земледельческая революция, начавшаяся в последней трети XV века и продолжавшаяся в течение почти всего XVI столетия (за исключением последних его **десятилетий**)...» По мнению Маркса, это была «революция в отношениях земельной **собственности**», которая «сопровождалась улучшением методов обработки, расширением кооперации, концентрацией средств производства и т. д.» (*Маркс 1960—1962 [1867—1894]*, т. 23, с. 729—730, 753, 755).

Под изменением отношений земельной собственности имеется в виду начавшийся в этот период процесс огораживания и перехода земли из общинной в частную собственность дворянства. Как полагал Маркс, огораживание было вызвано стремлением баронов разводить овец. «Непосредственный толчок к этому в Англии дал расцвет фландрской шерстяной мануфактуры и связанное с ним повышение цен на **шерсть**». В основе этого в свою очередь лежала «революция мирового **рынка**», которая «с конца XV столетия уничтожила преобладание Северной Италии...» (*Маркс 1960—1962 [1867—1894]*, т. 23, с. 730, 728, сн. 189). По существу речь идет об экзогенном для экономики факторе: географических открытиях, обеспечивших расширение мировой экономики и вызвавших изменение структуры спроса в **Европе** (в частности, вывозимое испанцами из Америки золото и серебро обеспечило платежеспособный спрос испанцев на хорошую одежду, основным производителем которой в то время были принадлежавшие Испании Нидерланды).

Кроме того, Маркс упоминает и еще один экзогенный фактор, обеспечивший желание дворянства заниматься «шерстяным» бизнесом. По мнению Маркса, это неожиданно возникшее желание было обусловлено роспуском феодальных (баронских) дружин после окончания войн Алой и Белой Розы при Генрихе VII (**1485—1509**). Экзогенным фактором в данном случае оказывается война, точнее, ее окончание и переход к мирной жизни.

Научная судьба отдельных компонентов модели Маркса сложилась **по-разному**. Концепция связи перехода от «феодализма» к «**капи-**

тализму» с изменением отношений собственности последовательно разрабатывалась в марксистской историографии, но практически не использовалась в западной исторической литературе. Марксова же идея «революции мирового рынка», приписывающая роль «переключателя» великим географическим открытиям, получила более широкое признание. Развитием этого подхода стала концепция «революции цен» конца XV — первой половины XVI вв., которая связывается с притоком испанского золота и серебра в Европу (с 1460 по 1560 г. цены в большинстве европейских стран выросли в 3—4 раза). Этот термин был предложен Э. Гамильтоном (*Hamilton* 1965 [1934]) и довольно прочно укоренился в исторической литературе. Некоторые авторы, разделяя мнение о значимости открытия Америки для возникновения нового этапа экономического развития, само это открытие связывают опять-таки с техническим прогрессом — «навигационной революцией» XV в., «научно-технической революцией» XV—XVI вв. и т. д. (см., например: *Baechler et al.* 1989, p. 9).

Наконец, в контексте одного из направлений ортодоксальной советской историографии марксова «земледельческая революция» превратилась в «аграрную революцию» и стала связываться (по аналогии с последующей «промышленной революцией») не столько с изменением отношений собственности, сколько с техническим прогрессом в сельском хозяйстве (новые методы и инструменты обработки почвы и т. д., что позволило сократить посевные площади при повышении урожайности).

Однако большинство современных европейских историков полагает, что никакого резкого скачка в производительности растениеводства на рубеже XV—XVI вв. не наблюдалось. Вплоть до XIX в. технические и агротехнологические изменения в сельском хозяйстве имели плавный и эволюционный, а отнюдь не скачкообразный характер, что выражалось в медленном постепенном увеличении урожайности сельскохозяйственных культур (см., например: *White* 1962; *Slither van Bath* 1963 и др.)⁵².

⁵² Так, в Европе водяные мельницы начали распространяться уже с VI в., тяжелый плуг — с VII в., трехпольная система земледелия — с VIII в., подкова и новая система упряжки тяглового скота — с IX в. (*Cipolla* 1981 [1976], p. 159—160). Согласно английской переписи 1086 г. (так называемой «Книге Страшного Суда» — *Doomsday Book*) в этот период в Англии насчитывалось уже более 6000 водяных мельниц, т. е. по две на деревню или по одной на 10—30 плугов (*Lennard* 1959, p. 278).

В начале XX в. был предложен качественно новый вариант концепции переходного периода, в соответствии с которым роль «переключателя» сыграла протестантская Реформация XVI в. Это направление связано прежде всего с работами М. Вебера и отчасти Э. Трельча (*Вебер* 1990 [1904—1905]; *Трельч* 1994 [1922]), хотя концепция Трельча сама по себе не может рассматриваться в качестве модели стадийного «переключателя». Как отмечал сам Вебер, «Трельча больше интересует учение, меня — практическое воздействие религии» (*Вебер* 1990 [1904—1905], с. 108, сн. 1). И когда Трельч пишет, что «конфессиональная эпоха XVI в., продолжающаяся до конца Тридцатилетней войны и до Английской революции, последнего акта великой церковной революции, — это кризис и переходный период» (*Трельч* 1994 [1922], с. 649), речь идет лишь об одном из этапов в развитии европейской культуры, составной частью которой является религия. Для Вебера же Реформация и возникновение протестантской этики выступают в качестве фактора, повлиявшего на иные области жизни западного общества, в частности, на экономическую систему.

Концепция Вебера приобрела колоссальную известность после второй мировой войны. В какой-то период эта концепция стала едва ли не единственной признанной схемой развития западного общества. Дошло до того, что причины быстрого экономического роста Японии в XX в. стали усматривать в родстве синтоизма с протестантизмом, а католические Италия и Франция вычеркивались из списка капиталистических стран. Но со временем возобладала более взвешенная оценка веберовской схемы, признающая ее безусловную научную значимость и одновременно учитывающая ее неизбежную ограниченность и условность как любой теоретической модели исторического развития.

Многообразие теоретических концепций переходного периода между «старым» и «новым» временем дополняется не меньшим разнообразием датировок этого периода. В результате его хронологические рамки расширились примерно до 200 лет (с середины XV до середины XVII в.). Конечно, в большинстве конкретных работ, анализирующих этот переходный период, устанавливаются более узкие хронологические границы — например, 100-летний период с середины XVI до середины XVII в. (см., например: *Ashton* 1965; *Stone* 1965; *Wilson* 1976; *Kiernan* 1980). Не менее часто в качестве переходного рассматривается период, выделенный еще К. Марксом, а именно:

последняя треть XV — первая половина XVI в. В первом случае в качестве **границы**, отмечающей конец переходного периода, выделяется окончание Тридцатилетней войны или Английская революция; во втором таким рубежом часто выступают даты восшествия на престол Елизаветы I (Тюдор) (1558—1603) или Филиппа II (1556—1598).

Столь же, а может быть даже более успешной, оказалась и марксова концепция второго переходного периода, «промышленной революции», но ее научная судьба сложилась совершенно иначе. Напомним, что термин «промышленная революция» впервые появился в 1820-е годы в работах французских исследователей. Они использовали его, чтобы подчеркнуть важность механизации французской текстильной промышленности, происходившей в то время в Нормандии и в других областях севера Франции, сравнивая значимость этих процессов с политической революцией 1789 г. (см.: Cameron 1989, p. 163—164). К истории Англии конца XVIII в. этот термин первым применил французский экономист Адольф Бланки (брат революционера Огюста Бланки), а затем Ф. Энгельс (см.: Бродель 1986—1992 [1979], т. 3, с. 553).

Относительно широкую известность термин «промышленная революция» (или «промышленный переворот») получил благодаря К. Марксу, который широко использовал его в первом томе «Капитала» (см.: Маркс 1960—1962 [1867—1894], т. 23, с. 383—389, 393—397). При этом Маркс не только **перекес**, вслед за Бланки и Энгельсом, область приложения термина в пространстве и времени (из Франции 20-х годов XIX в. в Англию второй половины XVIII в.), но и существенно расширил круг событий и процессов, им характеризующихся. Он обозначал им не только механизацию производства, но и переход от мануфактурной формы организации производства к фабричной, развитие машинного производства (в том числе переход к производству машин машинами), возникновение новых, передовых отраслей, становящихся «мотором» развития всей экономики, и, наконец, дополнил технико-экономические характеристики промышленного переворота социальными (образование промышленного пролетариата).

Всеобщее признание концепция «промышленной революции» приобрела, впрочем, лишь благодаря упоминавшейся в главе 2 лекции Арнольда Тойнби-старшего, опубликованной в 1884 г. (Тойнби 1924 [1884]). Тойнби рассматривал связь экономического развития и экономической политики в период правления Георга III (1760—

1820), особенно политики «*laissez-faire*», считая ее главной причиной деградации английского рабочего класса.

Концепция «промышленной революции» привлекала и продолжает привлекать внимание огромного количества историков — на эту тему написаны сотни, если не тысячи, статей и **монографий**⁵³. В подавляющем большинстве современных работ по экономической истории используется все та же концепция «промышленной революции», которая была предложена К. Марксом и в которой главным фактором «революции» был резкий прогресс техники и обусловленное им развитие новых отраслей. Появились работы, демонстрирующие наличие в конце XVIII в. радикальных технологических изменений не только в промышленности, но и в транспорте, сельском хозяйстве и т. д. (см., например: Chambers, Mingay 1966; Bagwell 1974). Но в целом, при сохранении единства взглядов в отношении механизма «промышленной революции», началось «расползание» ее хронологических рамок.

С одной стороны, стали раздвигаться и размываться хронологические границы «промышленной революции» в Англии, которая служила отправным пунктом для построения данной схемы. В современных работах начало ускорения экономического роста и структурных сдвигов в английской экономике ныне датируется чуть ли не первой третью XVIII в. (см., например: Crafts 1985). С другой стороны, благодаря работам В. Хоффмана, А. Гершенкрона, У. Ростоу и С. Кузнецца утвердилось представление о разновременности «промышленной революции» в разных странах, где она датируется как угодно, вплоть до второй половины нашего века (применительно к так называемым «развивающимся» странам). Наконец, возникла концепция «проиндустриализации», которая еще больше раздвинула рамки «промышленной революции». В итоге выделенный Марксом период конца XVIII — начала XIX в. перестал рассматриваться экономическими историками в качестве единого переходного этапа всей западной экономики.

Иная ситуация сложилась в работах по социальной и политической истории. Тезис о принципиальном различии между обществами XVIII и XIX в. был выдвинут довольно давно. В частности, уже в XIX в. широко укоренилось представление о том, что Французская революция конца XVIII в. явилась рубежом, разделяющим разные исторические эпохи. Как отмечалось в главе 2, в прошлом

⁵³ Среди последних работ российских исследователей можно отметить монографию: Шпотов 1991.

столетии эта революция получила эпитет «Великая» и стала рассматриваться как начальная граница новейшей истории. Но лишь в 1960-е годы социальные и политические историки стали трактовать конец XVIII — начало XIX в. как «переходный» период.

Акцент в анализе этого периода начал смещаться с технико-отраслевых на социально-политические изменения, связанные с формированием национальных государств, изменениями в социальной и демографической структуре. С особой четкостью новый подход к определению механизма переходного периода конца XVIII — начала XIX в. сформулировал С. Кузнец, который в качестве главных факторов, обеспечивших возникновение западного общества нового типа, выделил распространение и утверждение идей секуляризма, эгалитаризма и национализма. Благодаря концепциям такого рода историки смогли, хотя и не без труда, сохранить представление о наличии общего для большинства европейских стран и США «переходного» периода в конце XVIII — начале XIX в.

В заключение упомянем еще об одном «переходном» периоде европейской или даже мировой истории, который привлекает к себе всеобщее внимание. Речь идет о «переходном» периоде, переживаемом бывшими социалистическими странами. В данном случае термин «переход» (transition) стал едва ли не официально признанным. Эта проблема еще не перешла в ведение историков, она воспринимается не как «прошлое», а как «настоящее». Пока ее разрабатывают экономисты, политологи и социологи, полагающие, что эта проблема не имеет прецедентов, и не обращающие внимания на историю. Отчасти здесь есть элемент истины — до конца 1980-х годов в истории никогда не наблюдался переход от социализма к чему-то еще. Но с методологической точки зрения, накопленный историками опыт изучения «переходных» периодов мог бы оказаться бесполезным и в этом случае.

Как отмечалось выше, концепция переходных периодов соответствует периодам резких изменений в общественной системе. При этом речь идет о переходе от одного «стационарного» или «равновесного» состояния системы к некоему иному «стационарному» состоянию. В явном виде эта идея нашла отражение, в частности, в работах по теории модернизации, в которых «экономическая трансформация рассматривается как промежуточная фаза **трехстадиальной** модели социальной трансформации: а) статичная, **доиндустриальная стадия**; б) динамичная, переходная стадия; в) статичная стадия, **наступаю-**

щая после промышленной революции» (Moore 1963b, p. 41). Однако, как правило, при обсуждении постсоциалистических «переходных» экономик описывается только система, от которой начинается «**переход**», но не формулируются в явном виде варианты нового «стационарного» состояния. Последние, как показывает исторический опыт, могут быть самыми разнообразными и вовсе не обязательно должны совпадать с современными «западными» образцами.

3. Стадии и циклы как способы периодизации

Мы уже говорили в главе 3, что фундаментальная философская проблема движения в рамках исторического анализа трансформируется в понятие изменений, составляющих стержень концепции исторического процесса. Там же мы подробно остановились на трех основных типах представлений о формах исторических изменений — прогрессивных, регрессивных и циклических схемах исторического развития. Попытаемся теперь определить, какое место занимают в этом ряду стадийные схемы исторического процесса и как они соотносятся с представлениями о формах исторического движения.

Как уже отмечалось, активное использование стадийных схем, равно как и создание новых вариантов «стадий», началось лишь в конце XVIII в., одновременно с утверждением господства прогрессивных концепций исторического развития. Исходя из этого многие исследователи полностью отождествляют стадийные схемы с концепцией прогресса. На самом деле это не вполне верно и стадийные схемы представляют собой комбинацию двух моделей исторических изменений — прогрессивной и циклической.

Этот тезис можно проиллюстрировать с помощью нескольких простых графиков, представленных на рис. 4.4⁵⁴. Циклическая модель исторического развития на нашей схеме схематично изображена в виде синусоиды 1, прогрессивной модели в упрощенном случае соответствует прямая линия 2. Если мы сложим эти две траектории, то получим кривую 3, представляющую собой условное изображение комбинированной модели исторического движения, одновременно являющейся и прогрессивной, и циклической. Наконец, легко уви-

⁵⁴ Обсуждение вариантов графического представления траекторий исторического развития см. также в: Hart 1959; Moore 1963b, p. 34—40, Filipcova, Filipcova 1986.

деть, что ломаная линия 4, соответствующая стадиальной модели развития, представляет собой не что иное, как упрощенное или стилизованное **изображение кривой 3**.

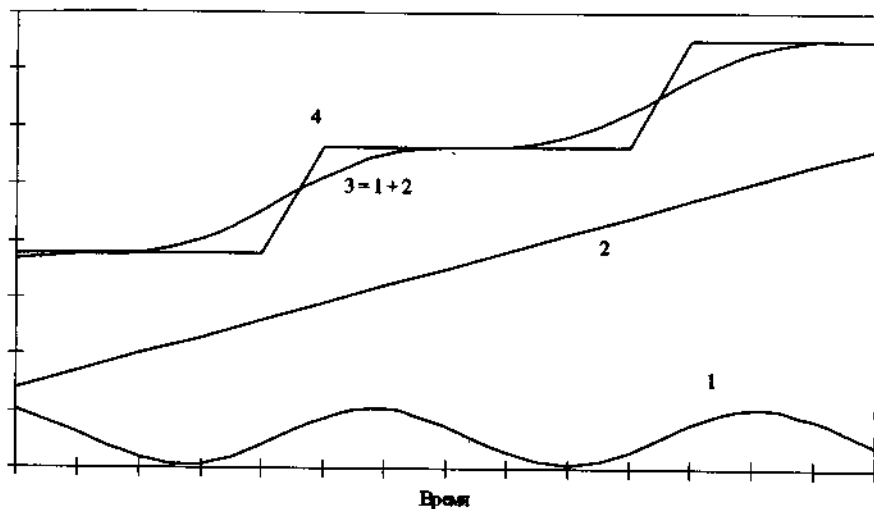

Рисунок 4.4.

Схемы циклической, прогрессивной и стадиальной моделей развития

Вывод о том, что стадиальные схемы представляют собой *комбинацию* циклической и прогрессивной моделей исторического развития, основан, естественно, не на приведенной картинке, а на содержательных соображениях, связанных с проблемой исторического времени.

Прежде всего, как циклы, так и стадии представляют собой *единицы* исторического времени, а не просто исторические периоды или отрезки истории. Это различие проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, период может быть один, а циклов или стадий обязательно должно быть несколько. Во-вторых, в отличие от периодов, которые могут определяться как угодно и какими угодно событиями, исторические стадии и циклы всегда определяются на основе единого критерия. В-третьих, стадии и циклы, в отличие от периодов, являются не только качественно, но и количественно однородными:

как правило, календарная длительность стадий в стадиальных схемах и период циклов в циклических *примерно* одинаковы или по крайней мере имеют однопорядковую величину (проще говоря, длительность одной стадии не может быть в сто или даже в десять раз больше, чем другой).

Связь стадиальных схем с циклическими проявляется и на уровне периодизации. Идея использования исторических циклов для выделения и датировки стадий общественного развития, конечно, не нова и проводилась прежде всего самими авторами, разрабатывавшими циклические и стадиальные модели исторического **развития**. В других же случаях совпадение датировок в «циклических» и «стадиальных» моделях, принадлежащих разным исследователям, заставляет делать вывод о близости этих двух способов конструирования единиц исторического времени.

Применительно к **50—60-летним** циклам традиция рассмотрения их в качестве стадий развития экономики была заложена еще **И. Шумпетером**, который дал каждому из длинных циклов эпохи капитализма собственное название, характеризующее его как отдельный этап развития хозяйственной системы (*Schumpeter 1939*)⁵⁵. Первый цикл он назвал «кондратьевский цикл промышленной революции» (1787—1842 гг.), второй — «буржуазный кондратьевский цикл» (1842—1897), третий — «**неомеркантилистский кондратьевский цикл**» (1897—...). Каждый **цикл**, по мнению Шумпетера, соответствовал определенному этапу (стадии) развития экономики и был связан с появлением новой «лидирующей» отрасли.

В 1950-е годы известный немецкий специалист по экономической истории **В. Хоффманн** (*Hoffmann 1958*) высказал гипотезу о том, что **50-летние** циклы связаны с процессами индустриализации в разных странах. По его мнению, в цикле **1770—1820** гг. индустриализация (этот термин Хоффманн использует как синоним промышленного переворота) происходила в Великобритании, США и Швейцарии. В цикле **1821—1860** гг. началась индустриализация Бельгии, Франции, Германии, Австрии, России и Швеции. Наконец, в цикле, датированном им **1861—1920** гг., индустриализация происходила в Италии, Нидерландах, Дании и Греции, Канаде, Японии, Венгрии, Индии, Южной Америке, Бразилии, Мексике, Чили, Аргентине, Австралии, Новой Зеландии, Китае.

⁵⁵ В явном виде эта схема была изложена не самим **И. Шумпетером**, а **С. Кузнецом** (*Kuznets 1940*) на основе консультаций с Шумпетером.

Дальнейшее развитие этот подход получил в работах У. Росту (см., например: *Rostow* 1978). Каждому длинному циклу (точнее, каждой фазе в рамках двухфазного цикла), по его мнению, соответствует переход определенной группы стран к следующей стадии экономического роста (смена которых связана в первую очередь опять-таки с развитием производительных сил). В табл. 4.6 мы попытались суммировать оценки Росту, с одной оговоркой: как известно, его периодизационная схема существенно расходится со всеми остальными в XX в. (см. табл. П.4.2). Поэтому период 1936—1951 гг., который Росту считает повышательной фазой, мы присоединили к понижительной фазе 1913/20—1936 гг., а период 1951—1972 гг. рассматриваем как повышательную фазу.

Еще одним примером прямого сопряжения 50-летних циклов со стадиями исторического развития являются работы представителей «теории регулирования» и ее американского варианта — концепции «социальных структур накопления». По их мнению, новая институциональная структура («тип» или «режим регулирования» или «социальная структура накопления») возникает в нижней точке 50-летнего цикла и создает условия для интенсивного накопления и высоких темпов экономического роста. Постепенно накопление начинает наталкиваться на границы существующей институциональной структуры, в результате чего темпы накопления и экономического роста снижаются. Противоречие постепенно обостряется, разрешаясь в конце очередного длинного цикла путем создания новой институциональной структуры. Каждый длинный цикл является, таким образом, стадией развития капитализма (*Gordon et al.* 1982, p. 27—32).

В фазе «депрессии» длинного цикла, как считают авторы этой концепции, происходят изменения не только в базе капиталистической системы хозяйства, но существенно меняется социальная и политическая структура общества («структурный кризис»), его институциональные характеристики. В результате на новом уровне устанавливается соответствие между производительными силами и производственными отношениями, изменяется структура производства, совершенствуется процесс труда, трансформируется состав рабочей силы и надстроечная система регулирования трудовых отношений (*Coombs* 1984; *Gordon et al.* 1983).

Рассматривая проблему совмещения стадияльных и циклических моделей периодизации исторического развития, необходимо остановиться на одном внешне сугубо техническом вопросе: как следует

Таблица 4.6.

Циклы Кондратьева и стадии экономического роста (по У. Росту)

Фазы длинных циклов	Стадия «взлета»	Переход к технологической зрелости	Начало стадии массового потребления
А. 1790—1815	Великобритания	—	—
Б. 1815—1848	США (северо-восток)	Великобритания	—
А. 1848—1873	США (север), Франция, Германия	Великобритания	—
Б. 1873—1896	Швеция	Великобритания, США, Франция, Германия	—
А. 1896—1913/20	Япония, Россия, Италия, Канада, Австралия	Великобритания, США, Франция, Германия, Швеция	—
Б1. 1913/20—1936	—	Япония, СССР, Италия, Канада, Австралия	США, Великобритания, Франция, Германия, Швеция
Б2. 1936—1951	Аргентина, Турция, Бразилия, Мексика	—	Австралия, Канада
А. 1951—1972	Иран, Индия, Китай, Тайвань, Таиланд, Южная Корея	Аргентина, Бразилия, Турция, Мексика, Тайвань, Индия, Китай, Таиланд	Япония, Италия, СССР
Б. 1972—...	?	?	?

Составлено по: *Rostow* 1978.

датировать циклы — по верхним или нижним поворотным точкам? Это, казалось бы, мелкое различие оказывается весьма существенным. Применительно к 50-летним экономическим циклам ситуация осложняется тем, что не вполне ясно, определять ли ту или иную «поворотную точку» длинного цикла как «верхнюю» или как «нижнюю», — определение, как было показано в предыдущем параграфе, зависит от того, на какой конкретный показатель мы ориентируемся: абсолютный уровень цен или темпы прироста производства.

Для ответа на этот вопрос попробуем обратиться к социально-политической истории и посмотрим, на какие «поворотные точки» 50-летнего цикла в основном приходится крупнейшие политические события европейской и американской истории (см. табл. 4.7). Первый набор событий соответствует периодам циклических максимумов абсолютного уровня цен и минимумов в динамике темпов прироста производства; второй набор соответствует циклическим минимумам абсолютного уровня цен и максимумам темпов прироста производства (см. табл. П.4.2).

Насыщенность первого ряда крупнейшими событиями мировой (главным образом европейской) политической истории, происходившими параллельно в ряде ведущих стран мира, склоняет нас к тому, что в качестве границ, отделяющих одну стадию от другой, логичнее использовать периоды максимумов абсолютного уровня цен и, соответственно, минимумов темпов роста производства. Это: середина 1760-х годов (для США — 70-е годы XVIII в.); начало 1810-х годов; конец 1860-х — начало 1870-х годов; конец 1910-х — начало 1920-х годов; середина 1940-х годов (промежуточный пик) и последний период — конец 1980-х — начало 1990-х годов.

Эта периодизация, полученная на основе «циклической» модели, примерно совпадает с наиболее распространенной датировкой стадий или «фаз» развития капитализма. Существенно, что она используется в работах, авторы которых или не являются сторонниками концепции 50-летних исторических циклов, или даже открыто провозглашают себя ее противниками. К числу последних принадлежит, например, А. Мэддисон, который, однако, датирует свои «фазы» развития капитализма 1820—1870 гг., 1870—1913 гг. и 1913—1973 гг. (с подфазами 1913—1950 и 1950—1973 гг.; см.: Maddison 1982, p. 91).

Применимость приведенной нами датировки для периодизации европейской истории подтверждается широким использованием отдельных выделенных выше исторических периодов в качестве само-

Таблица 4.7.
Верхние и нижние поворотные точки 50-летних циклов

Период	а) Вариант 1		США
	Европа	США	
Середина 1760-х — середина 1770-х годов	Завершение Семилетней войны	Образование США и Война за независимость	
Первая половина 1810-х годов	Окончание Наполеоновских войн		
Вторая половина 1860-х — начало 1870-х годов	Образование Германской империи; Франко-прусская война; Парижская коммуна;	Гражданская война и отмена рабства; (революция Мейдзи в Японии)	
Вторая половина 1910-х — начало 1920-х годов	Первая мировая война; Революция в России; Революция в Германии		
[Середина 1940-х годов	Вторая мировая война]		
Вторая половина 1980-х — начало 1990-х годов	Крах социалистической системы; Объединение Германии; Распад СССР		
б) Вариант 2			
	Европа		США
Конец 1780-х — начало 1790-х годов	Французская революция		?
Конец 1830-х — начало 1840-х годов	?		?
Конец 1880-х — 1890-е годы	?		?
[Начало 1930-х годов	Фашизм в Германии и Италии		Новый курс]
Середина 1960-х годов	Студенческие волнения		

стоятельного объекта изучения. В частности, как было показано в главе 2, в исторических исследованиях хронологические рамки XIX в. обычно не совпадают с рубежами столетий и датируются **1815—1913/14** гг. В этих хронологических границах «девятнадцатый век» делится, судя по экономико-историческим работам, на два основных периода: **1815—1870** гг. и **1870—1913/14** гг.⁵⁶.

Мы уделили больше внимания взаимодействию 50-летних циклических и стадиальных моделей лишь в силу их наибольшей распространенности и разработанности. Возможности аналогичного совмещения двух типов периодизации исторического развития отчетливо проявляются и при исследовании более длительных периодов.

В частности, попытки совмещения циклических и стадиальных моделей периодизации истории нередко встречаются в работах, посвященных **110—120-летним** циклам гегемонии, о которых шла речь в предыдущем параграфе. Напомним, что в соответствии с этой концепцией в ходе каждого цикла сначала происходит завоевание позиций новым мировым лидером, затем следует фаза расцвета и, наконец, упадка и постепенной утраты данной страной своего лидирующего **положения**. Иногда дополнительно **предполагается**, что один цикл отделяют от другого крупные («генеральные») войны. Связь этой циклической модели со стадиальными схемами часто проявляется даже на уровне терминологии: вместо термина «циклы» используется термин «стадии гегемонии» (stages of hegemony; подробнее см.: Goldstein 1988).

Наконец, примером совмещения циклической и стадиальной периодизации можно считать долговременные «логистики» Р. Камерона и даже «**вековые тренды**» Ф. Броделя. В частности, «логистическая» схема исторического развития, предложенная Р. Камероном, как раз и изображается кривой 3 на нашем рисунке 4.4. Ф. Бродель в свою очередь считал, что «вершины» выделяемых им «вековых трендов» (1350, 1650, 1817, 1974 гг.) «соответствуют знаменательным разрывам в истории европейских миров-экономик» (Бродель **1986—1992** [1979], т. 3, с. 74) и совпадают с началом качественно новых этапов или периодов развития капитализма.

⁵⁶ Хронологические рамки **1815—1913/14** гг. используются, например, в: Clapham 1953; Gille 1968; Romani 1968; Kitchen 1978; и др.; период **1815—1870** гг. в: Albion 1939; Bondi 1958; Pollard 1974; Tilly 1966; Plan, 1984; и др.; период **1870—1913/14** гг. в: Feis, 1930; Cairncross 1953; Saul 1960; Desai 1968; Hall 1968; McCloskey 1973; Lewis 1978; и др.

* * *

Приведенный анализ стадиальных схем исторического развития свидетельствует о том, что потенциал их еще далеко не исчерпан. Осознавая всю условность и упрощенность стадиальных концепций, тем не менее можно утверждать, что они являются одним из немногих имеющихся на сегодняшний день в распоряжении историков способов системного структурирования исторического времени. Важным направлением развития стадиальных моделей периодизации исторического процесса может стать их дальнейшая интеграция с циклическими схемами развития общества.

Одна из главных проблем, с которой сталкивается историк при построении стадиальных моделей, связана с традиционным конфликтом исторической синхронии и диахронии. Общие стадиальные схемы, описывающие развитие европейского или западного общества в целом, основаны на не слишком реалистичном предположении о синхронности исторических процессов во всех странах и регионах, включаемых в понятие «Запада». Между тем диахронные стадиальные модели, отталкивающиеся от опыта развития отдельных стран и регионов и пытающиеся привести его к единому знаменателю, разрушают целостное представление об историческом процессе.